

35
9233-к

НИКОЛАЙ
ТЕРЕНТЬЕВ

КОЛОКОЛА
ДУШИ

ПЬЕСЫ

ПОЖАРНАЯ ЛОШАДЬ

ТРАГИКОМЕДИЯ
В ДВУХ
ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГЕНЕРАЛ

ЯКОВ ВАСИЛЬЕВИЧ — инвалид войны

ИВАН — «НЕНАДО» — инвалид войны

СЕРАФИМА — жена Якова

КЛАВБЕ — первая любовь Якова

ВЛАДИМИР — сын Якова

КЕША — сын Владимира

ЛИВАДИЯ — девушка Кеша

САПАНИ — колхозница

СОФЬЯ — председатель сельсовета

БАБУШКА

Наши дни

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Сельский двор. Справа обгорелая, полуразрушенная изгородь, обугленный ствол старой ветлы. Слева выступает часть новой избы. Посреди двора на куче свежих стружек лежит человек. Это Яков. Вот он приподнимается, спросонья смотрит по сторонам.

Яков. Что?.. Никак, солнышко встает? Проспал, едрена-палка. *(Ползает, шарит руками вокруг себя.)* Владимир! Сынок! Ногу мою не видел? И куда я ее запихал, дурья башка? Протез, говорю, где? *(Находит его в стружке. Привычным движением пристегивает. Бодро вскакивает на ноги, несколько раз подпрыгивает. Оглаживает одежду. Отдает честь.)* Товарищ генерал! Одноногий солдат Васильев Яков готов еще один день топтать по родной земле.

Перемена света. На миг Яков как бы исчезает. Затем в солдатской форме предстает перед Генералом. Генерал берет под козырек.

Товарищ генерал! Рядовой Васильев с Волги по вашему приказанию прибыл!

Генерал. Вольно, Васильев с Волги. *(Протягивает ему руку, обнимает.)*

Яков *(смущенно)*. Маловато нас, как погляжу. А какая армия была, товарищ генерал! Там, под Сталинградом.

Генерал *(вздыхает)*. Редуют наши ряды, Васильев.

Молчание.

Что же ты, Васильев, орден не надел в такой праздничный день?

Яков *(потупив взор)*. Нет ордена. Внук из города приезжал, украл, наверное.

Генерал. Украл? Сукин сын! Всыпал ему хорошенько солдатским ремнем?

Яков. Никак нет, товарищ генерал. Хороший у меня внук. Но раз надо — есть всыпать ремнем, товарищ генерал! Хотя какой теперь толк? Это компания его виновата. Парни и девицы сплошь в джинсах. Вот как!

Генерал *(помолчав)*. Не горюй, Васильев, что-нибудь придумаем насчет ордена. Ты его кровью заслужил.

Ну, а в остальном все в порядке? По-прежнему чувашские дрови выбиваешь на протезе?

Яков. Бывает, товарищ генерал. Но душа не пляшет больше.

Генерал (*сочувственно*). Что так? А ну, выкладывай.

Яков. Жизнь такая штука... Дом сгорел. Корова, овцы сгорели. Потом жена...

Генерал. Ка-ак?!

Яков. Гроза проклятая. Молния. У нас на всю деревню один громоотвод. На водонапорной башне. А зачем, скажите, водокачке громоотвод? Ведь вода не горит.

Генерал. Ты про жену...

Яков. Жена, товарищ генерал, изнутри сгорела. С горя. Молчаливая она у меня была. День и ночь работала как лошадь. И никаких жалоб. А тут пожар. День охала, бедняжка, месяц охала, потом... Вот уж больше года один кукую.

Генерал. Худо, брат, одному.

Яков. Худо, товарищ генерал. Но ничего! Козу держу, кабанчика, две несушки есть, собака. По вечерам козье молоко пью и песни горланю.

Генерал. Помню, как же... Тебе ногу ампутировали, а ты как очнулся, увидел, что лежишь без правой, и... запел.

Яков. А что мне было делать, товарищ генерал? Слезами ногу не вернешь.

Генерал (*смотрит уважительно*). Чем помочь тебе, Васильев?

Яков. Ничем, товарищ генерал! То ли терпели мы с вами в сорок третьем на Волге? (*Участливо.*) Сами-то как поживаете, товарищ генерал? Поседели. Тоже небось худо бывает. Виноват... А за Васильева не беспокойтесь. Васильев выдюжит. Сами долго живите. Охраняйте мирную жизнь нашу.

Генерал. Спасибо за доверие, солдат Васильев. И запомни: не вешай носа!

Яков. Есть не вешать носа! (*Отдает честь. Загадочно.*) Товарищ генерал, сердечная тайна у меня... Хочу поделиться с вами. Разрешите?

Генерал. Какой разговор!

Яков. Как там по Уставу, можно мне еще раз жениться?

Генерал. Чего?..

Яков. Думаю жениться.

Генерал (*лукаво*). Что, в сердце старого солдата любовь постучала?

Яков. Стучит, товарищ генерал, будь она неладна! Аж кувалдой бухает.

Генерал. Туманно говоришь.

Яков. Первая любовь вернулась, каналья. Через столько лет... В ту пору ей было семнадцать, мне — девятнадцать. Детьми еще были, почитай, а вот...

Генерал. Ну, Васильев! Раз кувалдой бухает — валяй. Только честь солдатскую не роняй. Вот тебе мой наказ.

Гаснет свет.

2

Тот же двор. Яков ковыляет по двору. Он что-то ищет. Чертыхается. Софья и Владимир стоят у новых ворот. Наблюдают за Яковым.

Владимир. Сколько горя навалилось на отца... Попробуй тут выдержи: старый, одинокий, без ноги. Зову к себе в город — и слышать не хочет. Вот и выстроили ему новую избу. Пускай живет.

Софья. Изба — просто загляденье. Лучше той, сгоревшей. Какие узоры на наличниках! Сам вырезал?

Владимир. Все сам. Он же у нас универсал: столяр, плотник, печник, жестянщик, сапожник, портной. Что там еще? Ах да, часовщик. Но главное — землеша. Копаются, копаются в навозе. Теперь опять что-то задумал: по ночам не спит.

Софья. Что и говорить, руки у него золотые. Но и на причуды мастер. Предлагаем ему, инвалиду второй группы, «Запорожец». Новой марки. Не берет.

Владимир. Как — не берет? Машину? Бесплатно?

Софья. Совершенно бесплатно. Мне, говорит, лошадь дайте. Лошадь! Про пожарную лошадь намекает. Решили выделить, на сессии сельсовета проголосовали. Конь-то, что и говорить, хорош. Все равно без дела стоит — пожарную машину купили!

Владимир. Погодите, погодите, какая лошадь? Кто автомобиль на клячу меняет? Вы просто не поняли отца: пошутил он. Вот мы соберем семейный совет и потолкуем по-родственному. А вы не слишком торопитесь. Хорошо?

Софья. Потолкуйте. Пожарная лошадь... В дороге она, пожалуй, может и сбросить инвалида — к быстрому ходу приучена.

Яков. Начальники! Против кого заговор затеваете? Помогли бы лучше.

Софья (*приближается*). Бог в помощь, дядя Яков.

Здороваются.

Яков. На бога надейся, а сам не плошай. Ну и сельсовет чтоб помогал. Крышу вон не закончили. А сын молоток держать не умеет. Как же! Начальство! Два института окончил. А какой толк, едрена-палка?

Владимир (*насмешливо*). Отец разворачивает оружие критики. Давай, папа!

Яков. Вот и даю! Попробуй поросенка холостить или, скажем, печь сложить. Не получится. То-то. А у меня рук не хватает. Полезай-ка на крышу. Только вряд ли с таким пузом заберешься — ишь как раздуло тебя.

Владимир (*с добродушной усмешкой*). Кто поросят отменно кастрирует, кто печи складывает. А мое дело тебе не по плечу.

Яков. Нет на свете дел, которыми бы мужик не овладел. Не так ли, Софья Андреевна? Мужчина на то и мужчина!

Софья. Пожалуй, что так. Мужчина не должен теряться, это ему не к лицу.

Яков. Во! И генерал мой так говорит.

Владимир (*настороженно*). Опять генерал...

Яков. Опять! Он меня, солдата, не забывает. Как живу, чем занимаюсь, что ем и пью — его все касается. Дети у меня какие, внуки... (*Прилаживает стремянку, чтобы влезть на крышу.*) Внук обещал приехать на подмогу, а сам боевую награду деда стащил. О чем с болью в сердце говорю перед советской властью и перед родителем.

Владимир. Отец, не охаивай внука перед председателем сельсовета. Потерял ты орден. Где и как — не помнишь.

Яков. Не терял я!

Владимир. Потерял, конечно. Ты же любишь плясать. Вот в пляске и отлетел твой орден, закатился куда-нибудь.

Яков. Да я показал ему и его друзьям и обратно в кисет спрятал. Кисет-то тройным узлом завязал —

для надежности. И положил на место. Или, по-твоему, я уже того?..

В л а д и м и р. Того, не того... А контузия, кажется, дает о себе знать. Пошевели как следует мозгами и помни, а то внук вот-вот нагрянёт.

Я к о в. Нечего мне мозгами шевелить: он тогда с девицей приезжал, у которой джинсы с нашлепкой. Привязались: покажи да покажи. Показал. С тех пор и не стало ордена. *(Помолчав.)* А вот генерал велел...

В л а д и м и р. Опять?!

Я к о в. А вот генерал велел его солдатским ремнем прочить.

В л а д и м и р. Чушь городишь. Давай кончать с крышей. Вон дождь собирается. Первый майский дождь. С громом!

Я к о в. *(глядя в небо)*. Правда гром. Услышав первый гром, прыгать надо от радости. *(Вполне серьезно прыгает на месте.)* И приговаривать: недуги долой, здоровье со мной! А вы и не знаете. Для вас ничего святого нет. Ученые люди! Пустозвоны!

В л а д и м и р. Что ты, отец! Разве я не помогал тебе дом строить? Привез сосновые бревна на сруб. Доставил кирпич, цемент, железо, краску. А транспорт? Пустозвоны... Мы попусту не прыгаем, отец. Так-то.

Я к о в. *(не сдаваясь)*. Не ты один — и сельсовет помогает. А тебе сам бог велел. Ты мой сын, кажись. Как-никак я тебя сделал человеком, а вот ты своего сыночка не очень...

В л а д и м и р. Сам же говорил, что он толковый. Техникум окончил круглым отличником — портрет не сходил с Доски почета.

Я к о в. Нынче и не разглядишь, что за душа у человека. Портрет на красной доске, а совесть — на волоске.

В л а д и м и р. Всяко бывает. Но Кеша порядочный, отец. Влюбился он. Только выбрал себе не совсем подходящую. Вскружила ему голову одна...

Я к о в. Которая с нашлепкой на заднице, что ли? Этой палец в рот не клади — откусит. Ничего. Не вешай носа — так он мне всегда говорит.

В л а д и м и р. Кто — он? А... *(Безнадежно машет рукой, смотрит на Софью.)* Так и живем... *(Уходит.)*

Я к о в. Так вот, едрена-палка. А на крыше некому помогать.

С о ф ь я. Дядя Яков, вы не лезьте на крышу. Дождик

накрапывает. Скользко. Людей пришло. Тебе не поможет — в райисполкоме по головке не погладят.

Яков. То-то! Это генерал проверяет. Член правительства. Верховный. Депутат. Вот забью последний гвоздь и позову его на новоселье. Только ты, сельсовет, не забудь мне пожарную лошадь вручить.

Софья. А машину?

Яков. Лошадь! С малых лет лошадей люблю. Сядешь, бывало, верхом и во весь опор по лугам! Иэ-эх! Только ветер свищет в гриве. Едешь будто в сказке. Лошадь — не железо, у нее душа. *(Тихо.)* Ты, Софья, сыну не говори насчет машины и лошади. Чую, у него другое на уме.

Софья. А я, кажется, уже проговорила.

Яков. Да? Ну ладно. Все равно будет так, как я хочу! *(Уходит.)*

Входят парень и девушка, веселые, возбужденные. В джинсах. Это Кеша и Ливадия.

Ливадия *(громко в сторону новой избы)*. Сала-ам! Здравсте, которые на крыше! Славным труженикам пионерский салют!

Кеша. Пока не увидели, подтяни джинсы.

Ливадия *(с намеком)*. Фигура меняется. *(Поправляет джинсы.)*

Кеша. Дедуля! Работники приехали. Принимай и быстрее в дело впрягай. Сейчас поднимусь к тебе. *(Ливадии.)* А ты не путайся под ногами. Видишь, сколько неубранных стружек.

Ливадия. Я тоже с тобой на крышу.

Кеша. Давай! Покажем родственникам, что их будущая сноха тоже не лыком шита.

Ливадия *(подлизываясь)*. Кеша, пока отец здесь... Поверь, я тебя очень люблю. Ты... попроси у него денег. Сам же слово дал купить мне золотые серьги перед свадьбой. Не сдержал. Ну, купи серьги... Они будут напоминать мне о тебе, пока ты служишь в армии. *(Помолчав.)* Ты не любишь меня.

Кеша. Гм...

Ливадия. Что «гм»? У тебя всегда «гм».

Кеша. На крышу! Там и подарю тебе золотые сережки.

Ливадия. А-а, столкнуть хочешь?

Кеша. Непременно столкнуть.

Ливадия. Чтобы... убить?

К е ш а. Чтобы убить.

Л и в а д и я. Вот теперь вижу, что и ты меня любишь. *(Целует его в щеку.)* А сделаем мы так, женишок мой хороший. В деревне теперь разгар работы. Вот избу покроем деду, забор покрасим, огород вскопаем, картошку посадим... Работать я люблю. А дед даст нам немножко денегжат... Потом перейдем к соседям.

К е ш а. Дед погорелец. Какие деньжата?

Л и в а д и я. Зато у отца есть. Он же у нас генеральный директор.

К е ш а. Зачем тебе золотые серьги? В восемнадцать лет? Нет, ты мне скажи. Как на духу.

Л и в а д и я. Пожалуйста. От тебя секретов нет. К неудачнику липнет неудачник, к бедной — бедный, к богатой — богатый. Золото притягивает золото.

К е ш а. Яс-но.

Л и в а д и я. Пока ты служишь в армии, я накоплю капиталец на кооператив. А то молодые обычно в засыпушках прозябают. А я не хочу прозябать. Ну как, купим серьги?

Входит Со ф ь я.

Со ф ь я. Привет молодежи! Что, деду помогать приехали?

Л и в а д и я. Да, хотим помочь. Вот избу покроем, потом покрасим. А у вас нет работы... так... потяжелее? Можем пахать, сеять, быка забить, забор поставить. Мы быстро и... добротнo. Мы мастера.

К е ш а *(натянута улыбаясь)*. Шутим мы. Чуть-чуть.

Со ф ь я *(весело)*. А мы не понимаем. Ну что ж, помогайте дедушке. Дядя Яков, сейчас плотники придут. *(Уходит.)*

К е ш а. Дедушка, принимай нас!

Кеша и Ливадия уходят. Появляются Со ф ь я и И в а н.

Со ф ь я. Только двое осталось вас в этой деревне, инвалидов войны. Всем сельсоветом на руках будем носить.

И в а н *(глубоко вздохнув)*. Не надо. Мне ничего не надо. И сами мы никому не нужны. Прописку новую скоро получим. Вечную. Пора уступать место молодым. От них будет прок на земле, а от нас что?

Со ф ь я. Никудышный разговор! Вон погляди на

Якова Васильча! Какой дворец отгрохал. Пятистенный. Резные наличники на окнах. Да какие красивые. Ты гляди!

И в а н. Ви-идел. Тьфу! Все не хватает человеку. Видать, еще столько хочет прожить. Жадный он, Яков. Мне вот ничего не надо. *(Кричит.)* Якку, ты что, жениться собираешься? Ха-ха-ха!.. Помоложе подыщи, чтобы при надобности могла во двор выносить да обратно вносить. Тьфу!

С о ф ь я. Чем стоять и плеваться, дядя Ваня, помог бы соседу.

И в а н. Не буду. Хапуга он, Яков. Сосун. Сына сосет. Сельсовет сосет, райсовет сосет. Гляди, сколько тут добра! Не иначе, кулаком будет. А мне ничего не надо.

С о ф ь я. И очень плохо! Как это — не надо? Не зря тебе кличку дали «Иван Ненадо».

И в а н. Это лучше, чем «Яков Давай».

С о ф ь я. Давай не будем. Что значит не надо? Разве тебе белой муки не надо? Врача на дом не надо? Вот пригоним целую колонну автомашин с кирпичом, цементом, кровлей: строй, дядя Ваня, новый дом. Или лучше сами построим. Общими силами.

И в а н. Не надо. Вот Якову еще один дворец рядом можете отгрохать. Для любовниц, аль как там их...

С о ф ь я *(качая головой, усмехнулась)*. Может, тебе «Запорожец» тоже не нужен? С ножным управлением?

И в а н. Хоть паровоз давай — не надо.

С о ф ь я. Упрямый, как...

И в а н. Не упрямый я, Софья Андреевна. Живительной силы не чувствую здесь *(показывает на сердце)*. Духом начал падать. А все оттого, думаю, что рука ноет. Осколок там зашевелился, что ли?

С о ф ь я. Может, срочно в госпиталь надо. Иван Кириллович, в Чебоксары? Быстренько добьемся, napravим.

И в а н. Не надо. Чай, сегодня-завтра не умру. Якку! У твоей пилы развод хороший. Отдай, если самому не нужна. Начал дрова пилить, так моя заедает, будь она неладна.

Голос Якова: «Бери, вон пила у забора. Только не пили один. Вот освобожусь малость, помогу».

Мы сами! Я не то что ты — у меня жена под боком. Да не вставай ты, упадешь, леший тебе под хвост!

Софья. Вот неугомонный! И годы ему нипочем, судя по глазам.

Иван. Тьфу! Глаза... Какие теперь у нас глаза!

Софья. Черемуховые. У него.

Иван. «Черемуховые». Скажи лучше — распутные! Молодую ищет, догадываюсь. Авось и найдет. Он такой. А мне хоть медом подсласти — не надо. К жене законной и то... Ну с вами, с проказниками!.. (К Якову.) Что трубишь? Не о тебе речь, черт блудливый! Ладно, приду вечером. Разве от тебя, от одноногого, убежишь? (Уходит, бормоча себе под нос.)

Входит Яков. За ним Кеша и Ливадия.

Яков. Товарищ председатель, на минутку. Вот внук мой. А это, значит, законная его любовь, как я полагаю. Заметьте, отличные работяги. Особенно внук. Весь в меня. Работа так и поет в его руках.

Софья. Деду на радость.

Яков. А как же! Радуюсь. От всей души! (Кеше.) А теперь перед лицом советской власти задирай рубаху и марш к забору.

Кеша. Не брал я ордена.

Яков. Приказ генерала. «Не брал»!.. Что, крылья у ордена выросли али ноги?

Кеша. На, бей! (Поднимая рубашку, уходит.)

Яков снимает ремень, следует за ним.

Софья. Что это он собирается делать?

Ливадия. Терпи, Кеша! Не кричи!

Яков. В старину воров и конокрадов у нас до смерти избивали.

Кеша. Не тяни, дед!

Ливадия. Не бойся, Кеша, терпи! Я тебя люблю!

Входит крайне возбужденный Яков.

Яков (чуть не набрасывается на Ливадию). А тебе чего? Тоже по заднице захотела?

Ливадия. Мне? Хи-хи-хи! Пожалуйста, дедушка. Прошу великодушно. (Пытается поднять блузку.)

Яков. Тьфу! (Бросает ремень, отходит в сторону.)

Л и в а д и я. Мы приехали помогать, а ты нас до смерти избиваешь.

Входит К е ш а.

Больно было?

К е ш а. Иди ты!

С о ф ь я. Да что случилось?

Я к о в. Да я его от огня спас! Дом не смог спасти, корову не смог, а орден спас. Теперь этого ордена нет. Какой ценой он мне достался, соображаешь? Ты понимаешь, что значит орден для солдата?

Л и в а д и я. Кусок железки. Разве за это можно бить человека?

Я к о в (*подходит к Ливадии*). Кусок железки? Кто твой дед? Отец? Они были на войне? (*Кеше.*) Тебе скоро в армию идти. Знаешь, кто такой солдат?

Л и в а д и я. Знает, дед, знает. На уроках военного дела их все время заставляли по грязи ползать. Мне надоело ему штаны стирать.

К е ш а. Не вмешивайся в мужские дела!

Л и в а д и я. Орден... Да в нем ни капельки золота нет... говорят.

К е ш а. Не болтай!

Я к о в. Золота, может, и нет. Но стоил он мне полведра крови и правой ноги. А вы...

Л и в а д и я. Ну да, мы такие-сякие, косматые, нахальные. Стариков не уважаем, только о себе думаем. Дед твой зверь, Кеша. Уедем отсюда.

К е ш а. Куда?

Л и в а д и я. В город.

К е ш а. А ты забыла? В городе нам негде и переночевать.

Л и в а д и я. В лесу заночуем. В овраге. На Волге под лодкой.

Молния. Гром.

К е ш а. Нет! Я здесь буду! Неделя! Месяц! Пусть гром ударит! Никуда от деда не уйду! (*Кричит.*)

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром!..

Л и в а д и я (*задумчиво*). Странно получается...

Занавес

Прошло дней десять. Там же. Слева, где новая изба, слышны переборы гармошки, голоса. Смех, пение.
Во дворе Яков. В руке ременный кнут. Яков замахивается, проверяя кнут.

Входит веселая Софья. Подходит к Якову.

Софья. С новосельем, Яков Васильевич! Новый дом, новая жизнь. Живите еще столько в счастье.

Яков. Спасибо. А что не жить, Софья? Будем жить! Маху не дадим.

Софья. Пожарная лошадь привыкает?

Яков. Она меня знает! Я же ее принимал от кобылицы. Трудные были роды. Пришлось помогать. Пока тянул, думал: оторвется голова у жеребенка. Но, как говорится, на роду ему было написано жить. Конюхом я тогда работал. Так что эта лошадь жизнью своей мне обязана.

Софья. Вот как. Значит, «Запорожец»...

Яков (*перебивая*). Отдайте другому. На кой ляд мне эта железная кучка?

Софья. К лошади нужен тарантас. А к тарантасу — деготь. Где это взять?

Яков. Буду смазывать топленным маслом. Из козьего молока.

Софья (*смеется*). Ну, Яков Васильевич, один вы у нас такой на весь сельсовет.

Яков. Потому, верно, и любит меня председатель. Ты бы, Софья, зашла в избу на кружку пива. Там сноха угощает. А у меня тут одно дельце не закончено. Покумекать надо.

Софья уходит.

(*Задумался.*) Товарищ генерал, сегодня решил круто повернуть свою жизнь... Кхе... Кхе... Легко сказать. Может, отложить на завтра? Не откладывая, говоришь, на завтра то, что можно сделать сегодня? Правильно! Стало быть, сегодня. Боюсь насмешек. Люди на деревне языкастые. Можно даже сказать — зубоскалы. Да что там, товарищ генерал! Вы как солдат учили: прекрасен человек, когда в трудную минуту идет на риск. Риск — благородное дело. И жить по любви — не грех. Что поделаешь, если так и тянет туда, к первой любви. (*В из-*

бу.) Ива-ан! Подойди-ка к окну. (Тихо.) Ты там не слишком увлекайся. Дело серьезное. Не осрамиться бы.

Появляется И в а н.

И в а н. Не надо.

Я к о в. Чего — не надо?

И в а н. Ничего не надо. Ты не меня зови комедию ломать, а Виктора Родионова из столичного театра. Вот он мастер смешные лица изображать. Артист!

Я к о в. (растерянно). Как же! Еще вчера у нас с тобой уговор был. Ты сам напросился в дружки.

И в а н. Передумал. Не надо. Сраму не оберешься. Сам посуди: хромаешь на шестьдесят четвертом отрезке жизни. Говоришь, внук твой женится. И ты туда же... Развратник... Умерь страсти и живи по-людски.

Я к о в. Я и хочу по-людски...

И в а н. Не надо так.

Я к о в. Не твоё дело, надо иль не надо. Может, я в омут захочу нырнуть? Вон с того столетнего дуба. Это мое личное, можно сказать, дело.

Молчание.

Мы с тобой Сталинград защищали. Один руку, другой ногу потерял. Помнишь, в госпитале не раз мечтали: вернемся домой живыми, дружить будем до самой гробовой доски? Забыл? Ну и катись отсюда, пока цел. Предатель!

И в а н. Сказал бы тебе, да уж промолчу!..

Я к о в. Чтобы путное сказать, нужно мозгами пошевелить. (Кричит в сторону.) Кеша-а!

Быстро входит К е ш а.

К е ш а. Чего тебе?

Я к о в. Спина не болит?

К е ш а. Надоел уж с этой спиной. Ты же чисто символически ударил — только три раза.

Я к о в. И эти беру обратно, поскольку... не ты это сделал. Убедился я: не вы.

К е ш а. Какое поручение, дед?

Я к о в. А-а... Вот этот дядя Ваня... Знаешь кто? Посмотри внимательно и запомни — предатель он. Солдат, а в разведчики не годится.

И в а н. Куда уж мне до тебя!

К е ш а. Не до конца понял твой юмор, дед.

Яков. Готов ли ты идти на разведку моим помощником? И чтоб без дураков.

Кеша. Есть!

Яков. Тогда трогаемся в путь. Ответственное задание. Вон лошадь, вон тарантас. *(Показывает в сторону.)* Запрягай. Ты будешь... Да, вожжи-то когда-нибудь держал в руках?

Кеша. Не, кобылой управлять не приходилось.

Яков. Тьфу! Мужчина называется.

Кеша. Есть! Катать и развлекать гостей. Нет на свете дел, которых бы мужик не одолел. Для начала жену покатаю, Ливадию. Идет?

Яков. Жену? Ты что, уже женился? Вот так внук?!

Кеша. Завтра хотим... ну, расписаться. А отец решительно против, мама еще решительнее. Что поделаешь, все родители такие.

Яков. Кхм... *(Серьезно задумался.)* Кеша. Я ведь тоже... Э! Две свадьбы — один расход! Иди в избу, скажи отцу: дед женится. Всем скажи! Громко! Пусть все слышат! Иди на улицу и там гаркни во все горло: дед мой женится!

Иван. Чудак. Попадет вожжа под хвост — не удержишь, все оглобли переломает. А мне хоть медом подсласти — не надо. Право, чудак.

Яков. А ты... ты... пугало огородное. Ясно, оно без сердца. Живешь — только хлеб переводишь. В жилах у тебя не кровь, поди, вода, и та навозной жижей отдает. Потому и жена твоя преждевременно согнулась, как коромысло. Чучело!

Иван. А ты развратник. И жене всю жизнь покоя не давал, и на соседок заглядывал...

Яков. Не дурак, свое не упускал. А ты позоришь род мужской. Болтаешь пустым рукавом, ворон пугаешь, и только. Какая польза от тебя? Пустой сноп. И баста.

Иван. А ты распутник!

Яков. А ты предатель!

Иван. А ты... А ты... Хочешь знать...

Оба не находят слов. Иван порывается уйти.

Яков *(тепло)*. Иван, не уходи. Помнишь, Иван, в госпитале? Как я безногим стал, на другой день ты первый в мою палату пришел. Смотрю — а у тебя руки нет. Даже заплакал.

Расчувствовались, между ними возникла прежняя близость.

Иван (*решительно*). Распряги лошадь и успокойся. Расхрабрился, жених! (*Уходит.*)

Яков. Нет, Иван, я к этому делу готовился.

Появляется Сапани — женщина хитрая, себе на уме. Прихорашивается, поправляет цветастый платок на голове.

Сапани. Этот Иван Ненадо всегда хмурый. И походка у него тяжелая.

Молчание. Ласково косится на Якова.

В избу-то твою новую до сих пор не заглядывала. Кажись, все Ливадия управляется.

Яков. Она. И неплохо управляется.

Сапани. Хорошая жена будет Кеше. А я вот табуретку принесла. Подарок в новую избу. Обычай такой. Ты так быстро поставил дом — вся деревня удивляется. И хвалит. (*Вкрадчиво, ревнуя.*) Говорят, жениться собираешься. Молодуху вроде ищешь.

Яков. Кто говорит? Вот уж поистине: у иного рот шире полевых ворот.

Сапани. Я тоже всем говорю про это.

Яков. «Всем»... Ходишь по деревне и рассказываешь, так?

Сапани. Никому ни словечка. Вот те крест. Потому как зачем тебе за женой за семь верст ездить, коль у тебя под боком... по соседству. Если там постирать, сготовить, то я и сама могу не хуже других, а может, и лучше.

Яков. Раз уж пришла, заходи в новую избу, пивца отведай. Ливадия сварила. Да там и сноха есть.

Сапани (*лукаво*). Пиво, чай, не убежит. Думаешь про Клавье... Да знаю я ее... Она же... Она старше меня на целых... кажись... пять лет. Да она, поди, и не женщина вовсе. Хи-хи-хи!

Яков. Тебе-то какая печаль!

Сапани. Чем старушку со стороны, лучше уж выбрать из соседок помоложе. Я и сама, признаться, извелась ожидаючи, Якку. Может, думаю, споемся-поладим... Уж ты не суди меня строго, что первая начала...

Яков. О чем ты, не пойму.

Сапани. Понимать-то мы понимаем с тобой. За год я тебе и по дому, и по двору немало помогала. Душой, можно сказать, прикипела. Вроде бы мой ты теперь. А потому посоветуй, как мне быть.

Яков. Зайди в избу и выпей пива. А за помощь спасибо. Я тоже, помнится, не раз тебя выручал.

Сапани. Еще как выручал! Как помогал! Век не забуду! Очень благодарна тебе. Табуретку отнесу-ка в избу. Пусть твой дом сто лет полнится добрыми людьми, пусть эта табуретка никогда не грустит сиротинкой, а всегда будет согрета человеческим теплом.

Слышится ржание лошади.

Яков. Лошадь ржет, поить надо.

Сапани (*про себя*). Ах, какая же я неловкая! Может, наговорить Клавье на Якова? Чтобы махнула на него рукой.

Входит Владимир.

О-о, Владимир, здравствуй! Якку, какой богатырь твой старший. Бывают же такие красавцы! Что и говорить, городские солидно выглядят. Надолго приехали? (*Подает руку.*)

Владимир. Поживем немного у отца. Пожалуйста в избу, тетя Сапани, там моя жена.

Сапани уходит.

(*С волнением, но твердо.*) Отец!.. Давай не будем дурить.

Молчание.

Давай не будем. Дом я тебе выстроил. Одежду справил. С продуктами тоже вопрос решим. Будем почаще приезжать с женой.

Яков. Трудно мне одному, Владимир. Невзначай концы могу отдать. Человек нужен рядом. Присматривать.

Владимир. А мать, значит, выбросишь из памяти? Не позволю, отец.

Яков. А я не выброшу. С чего ты взял?

Владимир. Забудешь. Чужая не должна переступать этот порог. Не для чужих строили.

Яков. Эх, сынок, побыл бы ты в моей шкуре. Хоть неделю.

Владимир. Судьбу не переиграешь. У нее свои законы. Не позорь наш род. Вся деревня смеяться будет.

Яков. А зачем надо мной смеяться? Я что — носом землю пахал? Мои беды у всех на виду. А если что надумал — это у меня серьезно. Хочется еще немного пожить

на земле. После смерти ведь не ступишь на нее. Даже одной ногой...

В л а д и м и р. После смерти... Она, может, на это и рассчитывает — хапнуть себе дом, усадьбу. Новоявленная мама и на порог нас не пустит.

Я к о в. Я еще буду жить! Буду! Снаряд взорвался рядом — не умер, в огне не сгорел, в воде не потонул! Ногу отпилили — живой! Гроном трахнуло — все равно живу. И ты, сын, должен меня понять: не хочу сдаваться.

В л а д и м и р. Трудный у нас разговор, отец. Но помни: дети отвернутся — взвоешь от одиночества. Чужачка не принесет тебе счастья.

Я к о в. А зачем вам от меня отворачиваться? Как-никак я вам жизнь дал. Хлеба досыта не ел — вам отдавал, засаленную солдатскую гимнастерку не снимал — вам одежду справлял. Все сделал, чтобы тебе высшее образование дать. А ты и не знал, чего это мне стоило.

В л а д и м и р. Сыновний долг за мной. Но надо же вперед смотреть, планы на будущее строить. Честно говоря, со временем я сам хотел бы получить эту усадьбу. В городе буду работать, в деревне жить. Ну, и жена, и сын со мной. Своя машина, час езды. И тишина, свежий воздух, природа...

Я к о в. Вот как. А меня куда? Я ведь тоже еще...

В л а д и м и р. Да живи с нами, отец!

Я к о в. А если я, к примеру, хочу жить сам по себе?.. Потом... У тебя же дача под боком.

В л а д и м и р. Масштабы, батя, не те. Три сотки, вместо дома — конура.

Я к о в. Вот что я хочу сказать тебе, сынок: не гоняйся за готовеньким. Да и аппетит, пожалуй, умерить надо. Нужно тебе много — много и трудись. Паши землю, сей, убирай урожай, разводи скот, сажай деревья, сад разбей. Да мало ли дел! Раз уж хочется много... И зачем сюда возвращаться — все равно сам не будешь работать. А зариться на отцовское нехорошо.

В л а д и м и р (*жестко*). Чужого в дом не пустим! Знай, отец! (*Резко поворачивается и уходит.*)

Двор сразу темнеет. Перед Яковым появляется покойная жена С е р а ф и м а. Долго смотрят друг на друга.

Молчат.

Я к о в. Жена... Серафима... Как жить? Почему молчишь? Опять молчишь?.. Камень и тот бы заговорил. Со-

рок лет жили — сорок слов не сказала... Вот... новую избу построил. Пятистенок получился. Вместо коровы козу купил. Коза, она, конечно, срам для нашего подворья, да на большее не хватило... Одиночество мертвой хваткой вцепилось в горло... Что же ты молчишь? Давай поговорим. Что и как — посоветуемся. Как мне дальше жить?

С е р а ф и м а. Ты сам себе голова, Яков. Жили мы с тобой — четверых ребят вырастили. Кусок хлеба перво-наперво им давали, одевали-обували в первую голову опять же их. С малых лет к труду приучали. От людей хулы не слыхали ни про себя, ни про детей. А что касается тебя, Якку, сам знаешь: терпела я от тебя немало. Только ни звука за всю жизнь не проронила. Молчала. А что говорить? Назвать тебя плохим не могу, назвать хорошим — язык не поворачивается. Помнишь, как вернулся с войны? Подскочил ко мне, когда я лежала со старшеньким, пьяный, одичавший, руку на меня поднял. А за что меня бить-то? Совесть моя чиста, как утренняя роса. Мы вам на фронт все до последнего отправляли. Голодные, с опухшими от бессонных ночей глазами зимой на току мерзлые снопы молотили. Сколько приходилось работать и в войну, и после... Может, и некрасивая была... Откуда красоте-то взяться? Ты часто говорил: и лошадь, мол, работает, человеку душа нужна. Видно, душу я для тебя не сохранила. А может, стеснялась она наружу выходить. Что ж, открою ее, душу-то, перед тобой, скажу: душа наша бабья от мужской души зависима. Сам посуди: много ли ласки отпустил ты мне в нашей жизни? Все мимо смотрел. Чего-то тебе не хватало, что-то тебя раздражало. Чувала я, да помалкивала... До сих пор перед глазами та самая карусель на Цивильской ярмарке. Рядом с собой ты посадил не меня, а Клавье из Хыркасов. Катаетесь, смотрите, улыбаясь, друг на друга. Ты ее за талию обнял. А я стою будто окаменела, чую — земля из-под ног уходит... А вы катаетесь, улыбаетесь... Вот после того, может быть, и ушла эта самая душа из моей груди. Как знать? Жизнь прошла. А карусель до сих пор перед глазами: вертится себе, сердце точит, мысли нехорошие накручивает. Что теперь сказать тебе: живи как знаешь. Зла тебе не желаю. Ты сам себе хозяин, мои советы и желания никогда близко к сердцу не принимал. Честно говоря, не себя, а тебя жалею. Вот и войну прошел, а душа у тебя хрупкая. Как же ты жить без меня будешь? Кто тебе обед сварит, кто стирает, а раны заноят — кто лекарство даст? Кто воды поднесет?

Яков. Тяжко, Серафима, одному. Вот и... А что, если я сниму с карусели эту Клавье из Хыркасов и приведу в новый дом? Не будешь шибко ругать меня? Молчишь...

Слышно ржание лошади. Мысли Якова прерываются.

Свет меняется.
Входит Иван.

Иван. Раз пожарная лошадь зовет, значит, надо ехать.

Яков. Однополчанин!.. Иван!.. *(Хочет обнять.)*

Иван. Не надо. Только резва больно. Удержу ли вожжи одной рукой? Как бы молодуху не вывалить на обочину. Получишь тогда тумака от тебя, черта распутного.

Яков. Главное — посадить на тарантас, а там не опрокинем, едрена-палка!

Иван. Ехать так ехать. Но когда ты видел ее в последний раз? В каком году? Может, она уже беззубая карга?

Яков. Не карга. Прошлым летом на ярмарке видел. Стоит у карусели, смотрит, как молодежь катается. Задумалась шибко. А я на другой стороне стою. Смотрю на нее — ну прямо семнадцатилетняя! Взгляды наши встретились. Она улыбнулась своими пухлыми алыми губами...

Иван *(хихикая)*. Ну ты даешь! Откуда у старушки пухлые да еще алые губы!

Яков. Алые! Да еще пухлые! Что ты понимаешь в женской красоте, едрена-палка!

Иван. Ты, конечно, мастер по этой части. Не спорю.

Яков. Не спорь. И без намеков! Я за сорок два года совместной жизни с покойной женой ни на одну не зарился.

Иван. Это ты-то не зарился?

Яков. Я.

Иван. Вот я не зарился. А ты еще как зарился-то!

Яков. Я зарился? Может, они сами пялили на меня глаза, потому как я крепкий и стройный, не то что ты — вобла сушеная.

Иван. Красавец нашелся! Валяй к своей алой да пухлой. А мне не надо.

Яков. Не капризничай, Иван. Я лошадь запрягу. А ты вынеси пуховую подушку. Для невесты. Ну, с богом! Кеша! Бегом ко мне! Время не ждет.

Конец картины

Двор тетушки Клавье. Слышно, как мычат телята, кулдычат индюки, похрюкивают поросята.

Женский голос: «Чушка-чушка!.. Кулдыр-кулдыр!..»

Появляется хозяйка двора — К л а в ь е. Она в рабочей одежде, в валенках, в одной руке палка, в другой — ведро.

Слышится шум подъезжающего тарантаса, голос: «Тпру».

К л а в ь е (*прислушиваясь и поглядывая в сторону улицы*). Что за начальники появились на нашей улице? Кажись, у моих ворот остановились. (*Замахивается на поросят.*) Хась! Телятам не дают пить, каналы! Кто вы будете? Куда путь держите?

Голос: «А можно войти?»

Почему бы и нет. Войдите, коль желаете. А не ошиблись вы адресом? Э-э, кажись, то женихи прибыли из деревни Сапани. Правду, значит, сказала. (*С подчеркнутой вежливостью.*) Пожалуйте, добрые люди. Проходите.

Входят прилично одетый Я к о в, рядом с ним с гордо поднятой головой дружка И в а н, он в свадебном одеянии. Сзади — К е ш а.

И в а н (*проходя вперед, приступает к сватовству*). Добрые ли тут люди живут?.. Рады ли вы нам, сваты-сватушки? Коль рады — мы пройдем вперед, а не рады — повернем оглобли.

К л а в ь е. И-и, кажись, артисты приехали! Проходите! Без очков не признала вас что-то. Постойте-ка. (*Надевает очки, смотрит вверх стекол.*) Восподипомилуй! Яков, ты ли это?

Я к о в. Вроде он, если позволишь, Клавье.

И в а н (*продолжает церемонию*).

Путь-дорожка была дальняя,
Кони наши притомились,
В намеченное время не успели мы —
Не корите нас словами худыми.

Я к о в. Не корите.

Все кланяются.

К л а в ь е (*притворно удивляясь*). Ты что, в артисты записался, Яков Васильевич? А у вас получается вроде. В честь чего старушку решили позабавить?

Я к о в. Вроде бы не забавы ради приехали, а с серьезным намерением.

К л а в ь е. Неужто?

Я к о в. Жизнь — ведь она рубаха с семью простроч-

ками. Один шов расползется — другой остается, третий... И рубаха жизни все держится на теле...

К л а в ь е. Мудрено причитаешь.

Я к о в. Можно и попроще. Лошадь вот только у нас. Можно ей во двор или нельзя?

К л а в ь е (*нарочно строговато*). Лошадь... Скотины и прочей живности у самой многовато — ступить некуда, не то что тарантас ставить. Но раз просите — ладно уж, ведите. Какая лошадь огромная, да и тарантас!.. Ну, артисты.

Я к о в (*Кеше*). Быстро лошадь во двор!

Кеша уходит.

К л а в ь е. Двор, видите, грязный, ботинки свои модные испачкаете. Да и избушка у меня на курьих ножках, как у ведьмы в сказке. Посадить-то вас некуда. Стоять будете? Ну тогда заходите. Не обессудьте.

Все входят в избу.

В избе чисто, опрятно. Убранство вполне современное. На окнах шторы. Трюмо, мебель лакированная, как в городской квартире. На полу богатый ковер.

Гости удивлены, переглядываются. Топчутся у порога.

В такой вот каморке и обитаю. Вот уже сорок два года один месяц. Совсем одна. Проходите, коль вошли.

Я к о в. Хорошо живешь, Клавье. Богато. Хвалю.

К л а в ь е (*притворно кокетничая*). И-и, какая уж похвала мне. Глазами маюсь. Поясница не дает покоя. По ночам от ревматизма страдаю. Утром на двор сходить — одно мученье, в груди заложило — дышать нечем. Словом, на тот свет давно пора. Только и жду, когда придут и заберут меня отсюда. Хорошо бы на таком тарантасе в последний путь...

И в а н. А мы и приехали, чтобы... как его... ну, забирать! Я даже подушку пуховую прихватил, чтоб сидеть покойнице было мягче, ха-ха.

К л а в ь е (*то ли шутя, то ли всерьез*). Как? Уже?

И в а н. А чего тянуть?

К л а в ь е. Восподипомилуй! То ли наяву, то ли во сне. Я-то немножко хотела пожить на земле. Якова узнала вроде сразу, а тебя что-то не признаю, сват. (*Поправляет очки.*) Ты из какого театра? Как тебя зовут?

И в а н. Иваном. Иваны во всем молодцы. И в сказках удалцы да красавцы.

Яков (тихо). Ты что себя расхваливаешь? Хвали меня. Тебе положено меня хвалить. Порядок такой.

Иван (тихо). Это перед ней-то хвалить? Карга и карга. Говорил я тебе.

Яков. Не торопись. Хвали давай меня. По уставу.

Иван. Ладно. Вот этот человек — первый в округе красавец. И на работе молодец, и плясать мастер. За что ни берется, тут же работа закипает, как плавка в доменной печи. В новой избе один проживает. Не изба, а царский дворец. Красавиц в жены себе приглашает.

Клавье (притворно восторженно). И-и, найдем, найдем! На одной только нашей улице добрая дюжина солдатских вдов. Одна лучше другой. Живут и сохнут, вас ожидаючи. Для кого, говоришь, выбираете? Для тебя? Если для Якова, и ему подходящую пару найдем: ленивую, неряху. Таковую, как сам. Всякие есть в нашей деревне. Будете два сапога пара.

Яков. Перестань, Клавье! Мало тогда надо мной издевалась? Век не забуду: пока катались — сидела с улыбочкой, а как остановилась карусель, прыг к учителю Николаю Петровичу. У зайца и то нет такой прыти.

Клавье. Хи-хи-хи, ты бы догонял.

Яков. Пробовал. Разве тебя догонишь?..

Клавье. Тогда не догнал, как же теперь хочешь поймать? Через сорок два года аль сорок три? Сорок три, кажись. Яков Васильич, ты, кажись, безногий?

Яков. С ногами я! Гляди! (Подпрыгивает на обеих ногах.)

Клавье. Сказывали, генерал собственноручно наградил тебя большим орденом. За героизм. Где же орден? Почему не нацепил? Парнем, помнится, ты хвастунишка был.

Яков. Хвастаться не люблю, потому и не повесил. Короче, я за тобой. Переодевайся. Вот так!

Входит Кеша.

Кеша. Деда, лошадь пить хочет, все пойло из поросычьего корытца выдула. Те визжат, как лешие на привязи.

Клавье. Ходят тут, баламутят! Во дворе набаламутили, в избе тоже. Гляди-ка на них, на бездельников-комедиантов! Над старухой, женой фронтовика, насмеяться вздумали! Я никому над собой потешаться не позволю. Катитесь отсюда той же дорогой, которой добирались! Прошу! Вы что, глухие? Кочерги захотели отведать?

(Достает из-за печки кочергу и начинает гоняться за гостями; те бегают вокруг печки, Клавье за ними.)

Яков *(решительно)*. Иван, не сдадимся. Ни одному ее слову я не поверил. Врет она все. И на нас не злится. И поясница у нее не болит, и дышит как паровоз, да и глаза как у молодой кошки. Гляди, как горят! Огонь извергают!

Клавье кинула кочергу и заплакала. Бухнулась в кресло.

Кеша *(тихо)*. Деда, не нравится она мне. Но... раз тебе нравится... В сенях мешок лежит. Если по своей воле не захочет... Ты видел спектакль «Выйди, выйди за Ивана»?

Яков. Ну и что?

Кеша. Раз — на нее мешок, два — в тарантас. И будь здоров. Соседи и очухаться не успеют. *(Приносит мешок.)*

Иван. Погоди с мешком. *(Нарочно громко, чтоб услышала Клавье.)* Яков Васильич, ты известный в районе человек. Почетный гражданин в округе да и за пределами ее тоже. На кой черт нам эта кочерга? И без нее дюжину таких красавиц найдем. Чем соседка Сапани хуже? Даже в сто раз лучше. Поехали к ней! *(Косится на Клавье, идет к выходу.)*

Кеша. А давай ее в мешок!

Клавье. Куда? В мешок? Ишь шустрый какой. А ну, попробуй. Да я сама тебя в карман пиджака вверх ногами запихаю.

Кеша. Бабушка! Ты задерживаешь мою свадьбу. Немедля согласишься выходить замуж за моего дедушку! Тогда заодно две свадьбы справим. Две свадьбы в один день. Экономия материальных средств. Там народу — полная изба. Ждут, когда дедушка с молодушкой на пороге появятся. Как это не понять? Ты же подводишь трудящихся. Да и деда не знаешь: если он задумал, то не отгордиться тебе никакими кочергами. *(Украдкой, с лукавым коварством.)* Бабушка, дед тебя любит. Сам мне сказал. Честное слово! Ну как, в мешке или своими ногами на тарантас? Добровольно, так сказать?

Клавье *(помягче, вытирая глаза ладонью)*. Ворвались, учинили светопреставление. Глазом моргнуть не успела — коршунами налетели. Один безногий коршун, другой — безрукий.

Яков *(очень искренне)*. Виноваты, Клавье. Пожалуйста, успокойся. Виноваты мы.

Иван. Умыкать невесту — обычай древний. Обижать-

ся не надо. Так делали наши предки. И они не тянули время. Вот и мы...

К л а в ъ е. Хи-хи-хи!.. Зачем меня умыкать? Если надо — сама приду с превеликим удовольствием. Когда мне было семнадцать, не сумел, теперь — нă тебе!

Я к о в. Тогда смелости не хватило. Потом война началась. Мужчина, он как пожарная лошадь: где пожар, туда первым кидается. Огонь тушить. Вначале под Москвой тушили, потом под Сталинградом. Все время с Иваном рядом. Да, бросались в огонь. Да что тебе объяснять, сама мужа потеряла в том мировом пожаре.

К л а в ъ е. Ох пустомели! Распалили душу и стоят. Посидите, черти, пива из погреба принесу. (*Быстро уходит.*)

Я к о в. Не надо бы, Клавье!..

И в а н. Что это она вдруг на сто восемьдесят градусов повернулась? Опять разыгрывает нас?

Я к о в. Посмотрим. Кеша, ты лошадь наготове держи. Железо надо ковать, пока горячо. Вроде бы выгорает дело.

И в а н. Баба — это дьявол в юбке. Только что рядом с тобой шла, глядишь — обратно повернула. У нее и лапти задом наперед, и глаза на затылке.

Я к о в. С кем же она живет? И скота полон двор.

И в а н. Не иначе, с кем-то живет.

К е ш а. Ну, умыкнем или нет? А то мешок готов.

Я к о в. Лошадь, говорю, держи в готовности номер один! Марш! Вон сама идет!

И в а н (*глядя в сторону, откуда должна появиться Клавье*). Мать честная! Так она же писаная красавица! По сравнению с моей женой — высший сорт. Везет тебе, хромоногий дьявол.

Входит К л а в ъ е. Она переделась. В руке кувшин с пивом. Лицо озабоченно-красивое, мягкое, доброе.

К л а в ъ е. Сухая ложка рот дерет. Выпейте по кружке пива, раз в гости приехали. (*Наливает.*) Наверное, запыхались, пока вокруг печки бегали. Хи-хи-хи, женихи! Хоть бы немного подождали. Аль приспичило?

И в а н. Оно ведь как, Клавье, горячего коня трудно удержать на привязи. Наш конь (*показывает на Якова*) ух как горяч!

К л а в ъ е. Ну и женишки-воришки!

И в а н. Что делать... Обычай такой. Не нами заведено. Ведь как было? Которая сама к жениху шла — считалась

дешевым товаром, какую умыкали — дорогим. Мы цену тебе хотели поднять.

Яков. Вот и провинились. Хорошо, Клавье умница. Не поколотила нас на самом деле.

Смеются.

Скотины много. Все свое?

Клавье. А чье же? Откармливаю и колхозу сдаю. Что же мне теперь с вами делать? Ну, прежде чем со слезами покинуть своих буренок, поросят да индюшат, я бы с тобой, Яков, наедине хотела перекинуться парой слов.

Иван. А мы выйдем, выйдем... Поговорите. (*Уходит с Кешей.*)

Молчат.

Клавье. Когда к тебе пришла эта шальная мысль, Яков?

Яков. Не спрашивай. Была бы жена жива — не пришел бы. С ней бы жил до гроба. Жил бы! Неважно как. И не твое дело. Теперь вот второй год один. Больше ни о чем не спрашивай. В одиночку трудно. И тебе, и мне.

Клавье. И-и, Якку, а как вдвоем живут, я ведь и не знаю. Через месяц после свадьбы мужа на войну взяли.

Яков. Попробуем вдвоем пожить.

Клавье. Не выйдет, Якку. Стесняюсь. Да и очаг холодный уж теперь. Не греет, пожалуй.

Яков. Это мне знать. Глаза вон какие. Да и очаг колотится — отсюда слышно. Значит, «сердцу хочется ласковой песни», так поют, кажется.

Клавье. Срамные слова не в нашем возрасте произносят, Якку. Досель счастья не видывала, теперь уж давно не дождусь. Да и кому я оставляю усадьбу, дом, двор? Я ведь совсем одна в этом «имении». Да скотину жалко оставлять. (*Лукаво.*) Не читал, какая я богатая женщина? Сдаю скот. За это хорошо платят. А я эти деньги — в фонд мира. Мой портрет даже в газете напечатали. Во!

Яков. Ты, пожалуй, обиделась. За что мы, конечно, извиняемся. Выходки наши резковаты были. Если по правде, я сегодня хотел просто потолковать: можно ли на тебя рассчитывать?

Клавье (*дерзко и лукаво*). Что ж, выходит, если я сейчас захочу с тобой на край света поехать, ты меня не возьмешь, что ли?

Яков. Возьму! Хоть сейчас, едрена-палка!

К л а в ь е (*кокетливо*). То — не возьму, то — возьму. На полдороге опять передумаешь и спихнешь меня с тарантаса.

Я к о в (*пристально и душевно глядя на нее*). Точь-в-точь такая, как в семнадцать! Потому и боялся к тебе с серьезными намерениями подходить.

К л а в ь е. Не бойся меня, не бойся. Не сяду на тарантас рядом с тобой. Разве что когда-нибудь одна в полночь к околице подойду краешком глаза посмотреть, как ты там отстроился после пожара. И то, когда вся деревня уснет.

Я к о в (*лукаво*). Ты же... у тебя же зрение слабое. Дышать трудно. Радикулитом маешься. Как приползешь?

К л а в ь е. Как выдохну — крылья ветряной мельницы завертятся. Радикулитная поясница пятипудовый мешок выдержит. Да и глаза... Вижу, вон на вашей улице у колодца Сапани тебя дожидается. А потому до свидания, Якку. Спасибо — уважил.

Я к о в. При чем тут Сапани?..

К л а в ь е. При том.

Я к о в (*решительно*). Через недельку один приеду! Жди.

К л а в ь е. Ради Христа, не приезжай. (*Подумав.*) Может, сама... Уснут люди, полная луна выкатится... Соловьи защелкают, а я тут как тут. У твоего дома.

Я к о в. Обмани только. В любую погоду вместе с кроватью увезу! Запомни.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

5

Двор Якова. На улице сигнал легковой автомашины. Через некоторое время входят Владимир Яковлевич и Софья Андреевна.

В л а д и м и р. С какого времени они вместе живут, сельский Совет знает?

Со ф ь я (*не совсем понимая*). Кто — они?

В л а д и м и р. Ну, мой отец с этой... старушкой.

Со ф ь я (*с доброй улыбкой*). Я не проверяла. Живут. Хорошо, кажется, живут, Владимир Яковлевич. Отец ваш прямо преобразился.словно двадцатилетний. Бывало, прихрамывал чуть-чуть. Теперь и хромоты как не бывало. Куда только не успевает за день на своей пожарной лошади. Вся улица к нему бежит. Одного на базар доставит, другому навоз на колхозное поле вывезет. Детишек на тарантасе катает. Целый праздник для них. Ведь многие ни разу на телеге не сидели, хотя и деревенские. Словом, все в порядке. Пара хорошая. Скоро регистрируем их. На вечные времена. Но придется им кое-что изменить. Два человека пользуются двумя приусадебными участками. Так что один надо передать сельскому Совету. Такой порядок. Я была у нее, богатое подворье! В саду яблони, вишня, слива, калина. Всякой живности полон двор. Лучше другого мужика ведет хозяйство.

В л а д и м и р. Да я только что оттуда. Все верно. Только ни одной души человеческой не обнаружил. (*Подумав.*) Что ж... Если отец жить без нее не может, пусть совет себе гнездышко новое там. И будь что будет. Эту усадьбу я за собой оставляю. Здесь мои предки сотни лет жили. Нельзя корни рвать.

Со ф ь я. В принципе никто, я думаю, возражать не будет. Вопрос вполне разрешимый. Лишь бы они счастливо жили. (*С большой озабоченностью.*) С девятнадцатилетними что будем делать, Владимир Яковлевич? Они в наш сельский Совет заявление подали.

В л а д и м и р. Какое заявление?

Со ф ь я. Обыкновенное. О желании вступить в законный брак.

В л а д и м и р. Что?! Ну, Кеша, повешу вниз головой.

Софья. Нельзя вешать, жена в положении. (*Подчеркнуто твердо.*) Ливадия Мартыновна беременна. Скоро ребеночек у них будет.

Владимир. Какой ребенок?.. Вы что?.. Кеше не сегодня завтра в армию. Это надолго.

Софья. Вот именно. Потому-то вам скоренько свадьбу сыграть надо. Чтоб жене легче было жить с ребенком, пока муж в армии. Кстати, где они будут жить?

Владимир (*не слушая Софью*). Подавай две свадьбы разом! Деда и внука! Ха-ха! А стыд куда девать? А старушка случайно... не понесла? Вот было бы весело на этой свадьбе! Две беременные невесты пускаются в пляс. Пир во время чумы! Позор!

Софья. Ну, это вы уж слишком... Да если приглядеться, и жизнь, и люди меняются на глазах. Обновление происходит. И молодежь меняется, и старики. Все по-новому.

Владимир. По-новому, по-старому... А ребенок рождается, между прочим, как минимум через девять месяцев после свадьбы, иначе знаете как это называется?

Софья. Теперь-то уж кого винить? Родители должны были уберечь...

Владимир (*почти не слушая Софью*). Тут другое, Софья Андреевна. (*Мучительно переживая.*) Как вам объяснить, чтобы вы не причислили меня к злопыхателям... Словом, девка эта — ресторанная. В смысле... работает официанткой. Старше моего сына. Она его завлекла. И вот результат.

Софья. Но ведь любовь...

Владимир. Какая любовь? Разве это порядок? Мы ведь уважаемые в городе люди. И сын у нас один. Как все это вынести матери? Вы сами мать.

Софья. Не мне выступать с советами, но другого выхода я не вижу. Они любят друг друга, сами признались мне. Потому, Владимир Яковлевич, не ломайте им жизнь. Вот увидите, все будет хорошо. По любви — это крепкая семья. А тут просто прелесть: и старики любят друг друга, и молодые.

Владимир. О старых лучше не говорить. Из-за них хоть сквозь землю проваливайся. Обои скоро по семьям. Песок уже сыплется. (*Помолчав и внимательно посмотрев на Софью.*) Софья Андреевна, каким это образом они склонили вас на свою сторону? А? Вы просто очарованы этими любящими парами.

Софья. Мне хочется людей счастливыми видеть. Помочь им. Я и помогаю. Потому и выбирают меня на эту должность вот уже двадцать лет. Наверное, верят мне люди: добра им хочу.

Владимир. Им — добра, нам — зла. А где объективная истина? *(Помолчав.)* Где они сейчас?

Софья *(шутя)*. Отец ваш на пожаре. Меня послал козу доить.

Владимир *(не понимая)*. Опять пожар? Что горит?

Софья. Это образное выражение вашего отца. Где трудно, туда и спешит он на своей лошади. Сегодня вся улица картошку сажает. Вдовы-старушки от радости чуть не плачут: лошадь-то какая! А отец ваш соху держит. Видать, не легко. Хромает. Внука учит борозду вести, да не так это просто — сохой управлять. Кстати, можете посмотреть. Это через три двора.

Владимир. Молодая пара тоже сажает?

Софья. Кажется, да. Вы не волнуйтесь. У них все очень мило.

Владимир. «Мило»!.. Страшный сон! Конец света! Кромешный ад! Сорок два года с мамой прожил. И все это забыть ради... Немыслимо! Единственный сын плюет на мнение родителей ради... О женщины! Коварная порода! Почему именно к нашим мужчинам подкрадываются они? А? Почему?

Софья *(улыбаясь)*. Хорошие вы мужчины. Потому, наверное. А какая женщина не полюбит настоящего мужчину?

Владимир. Ничего! Пусть только попробует эта старая перечница присосаться к нашей семье!.. А вертихвостка беременная!.. Возьмись только за ручку нашей двери!.. Я им покажу! Я их вышвырну туда, куда Макар телят не гонял!.. Обнаглели!.. Вы у меня потанцуете на свадьбе!..

Софья *(серьезно)*. Вам же будет стыдно. Только и всего.

Владимир. Ничего-ничего! Софья Андреевна, мне, к сожалению, некогда. Через час коллегия. Прошу: не регистрируйте. Ни старых, ни молодых. Ибо ситуация станет еще драматичнее. Жизнь — не шутка. Не любит она шутников, эта самая жизнь. Потом сами одумаются. И благодарить вас будут. И я... гм... в долгу не останусь. Перед вами. Гм... Обещаю.

Входит Клавье.

К л а в ъ е (*пристально наблюдая за присутствующими*). Жара донимает. Там картошку сажают — пить захотели. Сырая-то вода вредна с устатку. Третьего дня пиво сварила. Вот и хочу угостить соседей. (*Владимиру.*) Вы... кто будете? Вроде бы я вас уже видела...

В л а д и м и р (*вглядываясь*). Ваш «сын» я, любимая «мама», если не ошибаюсь. Зовут Владимиром.

К л а в ъ е (*засуетилась*). Ай, господи! Ты и есть Владимир? Вот какой он, старший Якку! И статен, и красив собой, кажись, и знатен.

В л а д и м и р. Знатен, «мама». Знатен. Я на своей «Волге» к вам заехал, ваш дом, хозяйство посмотрел. Там индюки, поросята, ягнята горькими слезами заливаются: куда это наша хозяйшкa запропастилась? И заброшенная избушка тоску наводит. В огороде местные власти ходят — говорят, что землю у вас отнимут.

К л а в ъ е (*с вызовом, задиристо*). Пусть отнимут! Зачем нам два приусадебных участка? Мне этот больше нравится.

В л а д и м и р. Какая же ты легкомысленная, «мама»! Там же хозяйство, заложенное вашим погибшим мужем. Козлята, телята с голоду подыхают, никто их не кормит. А ты бросила все и гуляешь черт знает где. Ай-яй-яй!

К л а в ъ е (*еще больше задираясь*). За скотиной соседи присмотрят. А я не гуляю! Я у законного мужа... законно проживаю. Любя, одним воздухом дыша, из одной тарелки щи хлебая, одну постель согревая. Вчера вот баню истопили. Спину друг другу помыли да веничком похлестали. Все законно! Вот спросите у нашего председателя, Софья, подтвердите: ведь правда, лучше нас с Яковом в округе никто не живет?

С о ф ъ я (*приятно удивлена поведением Клавье*). У сельсовета на этот счет претензий пока нет. А что касается двух усадеб... Правильно вы решили, что отказались от своего хозяйства. Теперь все законно. И, кстати, заткнули рты всяким жалобщикам. А их ныне знаете сколько развелось? Мудро поступили вы, Клавдия...

К л а в ъ е (*сердито посмотрев на председателя, так же вызываяюще*). Дмитриевной зовут.

С о ф ъ я. Вы, Клавдия Дмитриевна, сегодня же принесите заявление в сельсовет, и мы закроем это дело.

К л а в ъ е. Ладно, ладно! Закроем! Если уж очень нужно. Возьмем и закроем. (*Решительно уходит в сторону новой избы.*)

В л а д и м и р. Странная какая-то бабушка. Насчет бани и мытья спин друг другу... Она, по-моему, нарочно, да? Наговорила, да?

С о ф ь я. А что тут такого? Возьмут мочалку и потрут друг другу спину. У них же сейчас медовый месяц.

В л а д и м и р. О-о!.. Проклятье! *(Сам себе.)* Если эта ведьма пустит здесь свои корни — бульдозером не выкорчуешь. А язык-то — камень режет. Да она моего отца-инвалида за год в муку перемелет. Это же угроза существованию всего нашего рода. Ну, отец, дуралей так дуралей! С кем связался! В какие сети угодил!

С о ф ь я. Успокойтесь. Уж больно вы эмоциональный.

Входит К л а в ь е. По-прежнему возбуждена. В руке ведро с пивом. Ставит ведро на землю и наблюдает за присутствующими.

К л а в ь е *(притворно вежливо)*. Добрые люди, не хотите ли отведать моего пива? Очень вкусное. Пенистое.

С о ф ь я. Наверное, вас заждались те, кто картошку сажает. Угощайте их.

К л а в ь е. Значит, не желаете. Я не обидчивая. А насчет того... *(Задумалась.)* Уж вы, умные, образованные, не переживайте шибко, если мы, вдовы солдатские, хорошо будем жить, если и нам счастье улыбнется. *(Очень дерзко, с болью в сердце!)* В этом доме, у этого инвалида, я только в любовницах живу!

В л а д и м и р *(потрясен)*. Мо-ло-дчина! А что это такое — любовница, если не секрет?

К л а в ь е. Целуемся-милуемся чаще других!

В л а д и м и р *(захохотал)*. Вó старушка!..

К л а в ь е. То-то! А вы думали, что в войну нас фашисты сломали, что души наши отняли? Раз вы шибко образованные, думаете, над людьми измываться можно? И я техникум окончила. Еще до войны. В своем колхозе первую в районе ферму организовала. Восемнадцатилетняя! Как началась война — всех коров туда... Как солдат провожала, со слезами. Спустия некоторое время опять собрала стадо телят. Кормить нечем. Чтоб не подохли, по двадцать часов в сутки траву таскала, зимой солому с крыши своего сарая содрала. Пол грызли телята. С голоду. А я опять лопату в руки — и в поле. По соломинке из-под снега выкапывала. Вырастила. И опять для фронта... Получила черную бумагу — мужа убили. Через месяц свекор с войны прикатил! Да! Прикатил. На тележке с маленькими колесиками. Обоих ног нет. На две пяди выше меня был,

а тут — по пупок мне, снизу вверх глядит, слезы тяжелые катятся... Ленинградских детей в деревню привезли, эвакуированных. Я пятерых взяла: мал мала меньше! Людей — полна изба! Все равно находила чем кормить. Картошке спасибо. Каждую неделю в бане всех обмывала. Опять на ферму бегу, в поле, а коровы падают с ног, на веревках поднимаем... Сколько слез было. Каждый день похоронки. За четыре года чуть ли не все солдатки без мужей остались. Потом и слез не стало. Свекровь скончалась. Похоронила. Свекра десять лет на руках носила. Когда умер, соседки гроб на своих плечах, как чемодан, несли на кладбище... *(Пауза, тяжелое молчание.)* Не-ет!.. Усадьбу мою отнимать у вас совести не хватит. Там жизнь моя горькая прошла. По-вашему, ежели я безногому старику баню истопила и спину помыла — значит, сто грехов совершила. Может быть. А все это потому... что любила его в девках. Больше уж не буду. И баню не истоплю, и белье ему не постираю, и огород не прополю, и суп не сварю. У самой в доме работы по уши. Я стахановка! И нынче вон сколько телят, поросят, цыплят откармливаю для государства! Пенсионерка, а сотню здоровых мясом кормлю. Не для себя, а для людей живу. А вы уж как-нибудь сами выводы делайте, прежде чем меня со счета списывать и малого счастья лишать. *(Уходит.)*

Долгое, долгое молчание.

В л а д и м и р. Характер. М-да-а...

С о ф ь я. Неужели совсем ушла? *(Смотрит в сторону.)* Ушла. Скверно вышло, Владимир Яковлевич.

В л а д и м и р *(оправдываясь)*. Я ей не сказал: уходи.

С о ф ь я. Не сказал. Но деревенской женщине и намека достаточно.

В л а д и м и р. Но я же ничего такого не говорил!

С о ф ь я. Я тоже хороша... Черт меня дернул за язык именно сейчас заговорить об усадьбах.

Вбегает К е ш а.

К е ш а. Здравствуйте! Новая бабушка воду обещала принести!.. Ждем-ждем... Папа, ты не видел ее? *(Наблюдая за ними.)* Случилось что-нибудь?

В л а д и м и р. Кеша, в эти дни тебе надо держаться поближе к горвоенкомату. Предупредили. Я за тобой приехал. Первую партию отправили вчера утром. На юг вас направляют. Понимаешь, что к чему?

К е ш а (*весь сжался, потом выпрямился*). Все правильно: пожарные лошади. Где горит — туда и... Дедушке да соседкам помочь хотел немножко. Хоть бы одного здорового мужика на всю улицу! (*Вдруг закричал.*) Кроме дедушки соху держать некому! А он безногий. Трудно ему. (*Посматривает по сторонам.*) А где же новая бабушка? (*Смотрит на ведро с пивом.*)

В л а д и м и р. Уехала.

К е ш а. Куда?

В л а д и м и р. Домой. Там ведь хозяйство у нее. Скот.

К е ш а. Ничего такого она не говорила людям. Что-то вы скрываете, отец. Почему вы молчите?

В л а д и м и р. Собирайся, едем.

К е ш а. Куда?

В л а д и м и р. «Куда-куда»! Домой! С каких пор ты тут живешь? А если повестку пришлют? Отстать от своей команды хочешь? Это же военная дисциплина. Там нет отца с матерью, по головке не погладят. Садись в машину. Сейчас же!

К е ш а. Дедушке надо сказать.

В л а д и м и р. Сам скажу.

К е ш а. А с Ливадией как? Я без нее ни шагу. И вообще... Мы — муж и жена. В сельсовет заявление подали. Завтра распишемся. Можешь спросить у председателя. Дед и новая бабка свидетелями будут. Согласны.

Вбегает Л и в а д и я.

Л и в а д и я. Уходят и пропадают. Там люди страдают от жажды. Здравствуйте, Владимир Яковлевич... Отец! С приездом! И вы здравствуйте, Софья Андреевна!

С о ф ь я. Мы, кажется, виделись сегодня.

Л и в а д и я. Ну и что? Люблю здороваться с хорошими людьми. Целый день говорила бы «здравствуйте»!

С о ф ь я. Ну спасибо. Привет, Ливадия. Как здоровье?

Л и в а д и я. Маху не дадим.

В л а д и м и р (*холодно посмеиваясь*). Видно, видно. А скажите, Ливадия...

Л и в а д и я. Ливадия Мартыновна. Моего отца звали Мартыном.

В л а д и м и р. Ну, если наши дети будут такой образ жизни вести, то любой отец с ума сойдет.

Л и в а д и я (*вдруг стала очень непосредственной*). А что мы сделали, чтобы вы с ума сошли? Лично вы? Мы любим друг друга. Живем у дедушки в деревне, помогаем

старушкам. У них мужей нет, детей тоже. Они очень нуждаются в нас. Мы же задаром помогаем. А нам много денег нужно, потому что мы бездомные. Нам стараться надо. А мы бесплатно работаем. Вот уж сколько дней. С утра до вечера. Можно сказать, от зари до зари. (*Вдохновляясь.*) А завтра к новой бабушке перебираемся. С Кешей, с дедушкой, с лошадей, с сохой и тарантасом! Там у нее тоже уйма дел! Я заболталась, да? Кеша, что ты стоишь разинув рот? Доставай воду! А, уже готова... (*Берет ведро с пивом.*) Ого, кажется, пиво? Тоже сойдет. А где новая бабушка? Почему вы молчите? В молчанку играем, да?

Со ф ь я. Яков идет! Ну, началось! (*Собирается уходить, но не успевает.*)

Входит Я к о в. Волнуется, предчувствуя подвох.

Я к о в (*оглядывая собравшихся*). Что за митинг в трудовую пору? Сын, зачем приехал?

В л а д и м и р. Отец, я за Кешей. Вчера отправили одну партию. На очереди команда Кеши. Мать плачет. Сын, говорит, где-то пропадает.

Я к о в (*сурово*). У деда не пропадают, а живут.

К е ш а. Дедушка, новой бабушки нет.

Со ф ь я. Не волнуйся, дядя Яков. Она сказала: надо сходить в свою деревню, скотину, птицу проведать. Обещала вернуться.

Я к о в (*строго*). А может, не обещала? А может, врете? Что-то глаза бегают у моего сына? Что вы тут наделали? Ах ты, сын, сыночек! (*Выйдя из себя.*) Душегуб! Кеша! Распряги лошадь. Оседлай!

К е ш а. Сейчас, деда! (*Убегает.*)

В л а д и м и р. Верхом догонять — ей не семнадцать лет. Не смейся людей.

Я к о в. Я тебе насмешу, сын! Ты у меня днем звезды на небе будешь различать.

В л а д и м и р. Я ее не прогонял. Председатель сельсовета свидетель.

Входит С а п а н и.

С а п а н и. Бог в помощь, добрые люди! А я того... Машина черная стоит. Схожу-ка, думаю... Вы уж не ругайте. Иду мимо — машина черная, значит, к Якову. Дай, мол, зайду. Яков, он такой. Иногда и сякой! Правда, правда. На мой огород не пришел, лошадь свою пожалел. А меня не пожалел. Мне теперь картошку лопатой сажать, да?

Ну и пусть? Совсем не буду сажать! А сколько я тебе помогала, Яков?

Софья. Иди ты домой, Сапани. Не срамись.

Сапани. Он обидел меня, этот самый Яков! Во как обидел! В самое сердце ранил! Вот зареву, лягу и умру у его ног.

Владимир. Уходите!

Сапани (*испуганно*). Ухожу, ухожу... (*Уходит.*)

Тягостное молчание.

Владимир. Отец, иди в избу, ляг, отдохни.

Яков. Эх-х, сы-ын! Не дай бог, чтобы тебе когда-нибудь привелось терпеть с мое. И сыну твоему страдания деда чтоб даже во сне не приснились.

Владимир. Судьбу не планируют. Она сама приходит, не спрашивая разрешения.

Яков. Неправда! Чтобы вы жили хорошо, мы сознательно шли на смерть. Вы же первые цветы, выросшие на последних каплях крови. Крови отцов! Они должны быть чистыми, как солнце, эти цветы. «Судьбу не планируют»! По-простому это означает: кому что на роду написано. А вот мне на роду написано — жить! Из ста мужчин, моих ровесников, от силы пятеро осталось в живых. Я остался, чтоб тебя на белый свет явить. Жизнь продолжать осталась. И продолжу! Чего бы мне это ни стоило. И постараюсь в свое удовольствие пожить!

Вбегает Кеша.

Кеша. Деда, лошадь готова.

Яков. Спасибо, внук. (*Уходит.*)

Владимир. Надо остановить его! Еле на ногах стоит. Упадет он с лошади. Разобьется.

Кеша. Не мешай, отец, деду!

Ливадия. Кеша, его надо задержать. Отец прав. Их надо обоих вернуть. Что мы все как столбы стоим? Надо же спасать старших. У них сердца могут разорваться. Отец, у вас же «Волга» на улице стоит. Догоните обоих, посадите и верните. Я за свою жизнь много хороших и плохих людей видела. Вот и дедушка, и новая бабушка очень хорошие люди. Честное слово! Это я вам говорю. Ты их не ругай, отец, а люби так же, как мы.

Владимир (*взорвался и заметался*). Какой я тебе отец?! Какой он тебе дед?! Какая новая бабушка?! Совесть, совесть у тебя есть?! Или у тебя вообще понятия нет о совести и чести?

Л и в а д и я. У меня?.. (*Затряслась, зашаталась, почти перестала дышать.*)

К е ш а (*подбежал к Ливадии, привлек к себе*). Отец, уезжай. Уезжай, отец! В последний раз говорю!

В л а д и м и р. Эх-х!.. Мать бы пожалел. Как мы тебя растили! Сколько бессонных ночей!.. Мечтали вырастить тебя настоящим человеком. Проводи.

К е ш а (*проводя отца*). Отец...

В л а д и м и р (*очень жестоко и строго*). Либо эта ресторанная, либо мы с матерью. Выбирай.

К е ш а. Ладно, ладно, папа. Там посмотрим.

Разговор отца с сыном, кажется, услышала Ливадия. Владимир уходит.

С о ф ь я. Успокойтесь. Перемелется — мука будет. Успокойся, Ливадия Мартыновна.

К е ш а (*помогая Ливадии присесть на скамью*). Не волнуйся ты! Дыши глубже! Завтра распишемся. И делу конец. На всю жизнь. Ну, распишемся. Вот спроси Софью Андреевну. Ведь распишете вы нас?

Софья задумалась. Молчит.

Л и в а д и я. Почему же он так... о моей совести и чести?.. Может быть, я и так сама себя... Почему же он так со мной? Что я ему плохого?..

Конец картины

6

Уголок улицы. И в а н и С а п а н и.

С а п а н и (*возбужденно*). Говорят, Клавье бросила Якова? Верно, что ли, Иван? Ах, как бы поточней узнать?

И в а н. Тебе-то на что?

С а п а н и. Будто уж не знаешь.

И в а н. Не знаю.

С а п а н и. Она не пара Якову. Вертихвостка, зазнайка. Корчит из себя стахановку-недотрогу. Хорошо, что ушла. Якку намучился бы с ней. Уж я-то знаю Клавье. А вот мне так хочется, чтобы Якку хорошо питался, ни о чем не думал, всегда веселый был. Я бы на руках его носила. Вот кланюсь, Иван.

И в а н. Чего ты хочешь, лиса?

С а п а н и. А ты не понял?

И в а н. Понял. Тьфу!

Сапани. А ты не ругайся.

Иван. Не надо!

Сапани. У тебя всегда — не надо. Надо! Мне надо. Иван, ты хороший, ну, похвали меня разок перед Якку.

Иван. Будто он тебя не знает.

Сапани. Знает, не знает, а ты похвали. Клавье хули, а меня хвали.

Иван (*нарочно задорит*). А что мне за это будет?

Сапани (*возбужденно*). Деньги!

Иван. Сколько дашь?

Сапани. Много.

Иван. А сколько — много?

Сапани. Сказано — много! Тоже мне мужчина! Торгуется. Ты сделай так, чтоб мы с Яковом... Он ведь очень хороший. И я хорошая.

Иван. Конечно, хороший. И я хороший, и он хороший. Потому я тебе Якова по дешевке не отдам. Тем более ты его к себе хочешь забрать, а хозяйство у тебя гроша ломаного не стоит.

Сапани. Кто тебе наплел? К нему переберусь. Свое подворье сдам советской власти. Безвозмездно. Это будет мой патриотический поступок.

Иван. Хитра лисица, да глаз косится.

Сапани (*притворно заплакала*). Зачем ты меня так обижаешь, Иван?..

Иван. Вó баба!.. Ну ладно, неси деньги. Так и быть. Все, что есть, тащи сюда. Все равно они у тебя в кубышке гниют. Марш! Одна нога здесь, другая — там.

Сапани. Сладишь дело — век буду благодарить! И денег дам. (*Убегает.*)

Конец картины

7

Двор Якова. Яков сидит на скамейке понутив голову; ушел в свои мысли. Как-то незаметно входит Иван, следит за Яковом.

Иван. Якку, лошадь ржет! Овса просит. (*Приближается.*) Сам с собой не разговаривай, Якку. Плохо это, однополчанин. Ты обязательно с человеком разговаривай. Давай посидим рядышком. (*Присаживается рядом.*) Спасибо за лошадь, за соху. Это хорошо, что ты вел борозду. Значит, картошка уродится.

Яков все молчит.

Поговори же с человеком! (*Вдруг осенило.*) Взвод! К бою! В атаку за Родину, за Сталина! Вперее-од!

Яков даже не шелохнулся.

(*Иван, меняя тон.*) Ты, Васильев, говоришь, будто своим телом генерала прикрыл и спас от смерти? Врешь! Ты не прикрывал своим телом генерала.

Яков (*будто очнувшись*). Что? Как это я — не прикрывал?

Иван. Нет, не прикрывал. Ты не спас генерала. Не надо врать.

Яков (*вскочил*). Я вру? Может быть, у меня и нога при мне? Может, и контузии нет? Может, мне генерал своими руками и орден не вешал? Едрена-палка!

Иван (*захохотал, потом — успокаивая Якова*). Повесил, повесил. Только вот орден твой куда-то запропал.

Яков. Это не твое дело! Не прикрыл генерала. Это ты взял в левую руку пилу и отрезал свою правую, а потом смылся с фронта. К жене молодой. На перине лежать да детей рожать!

Иван (*возмущенно*). Кто?! Это я левой рукой правую отрезал да с фронта смылся? Ты что, контуженный?! Я сейчас твою поганую пилу принесу, а ты возьми в левую руку и отрежь правую. Чтоб при мне!

Яков (*еле сдерживая друга*). Сам начал.

Иван. Не надо! Это ты первый начал.

Яков. Ты начал. Пристал — думать человеку не даешь. Мысли умные были, а ты оборвал.

Иван. Ладно. Один — один. Ничья. (*Молчат.*) Идем ко мне. Жена яшку¹ сварила. Горячую яшку покушаем. Ты, наверное, сегодня совсем горяченького не ел.

Яков. Не дразни гусей! Кеша!

Входит Кеша.

Кеша. Что, дед?

Яков. Пожарную лошадь запряги.

Кеша. Зачем?

Яков. Не спрашивай! Делай, что велено.

Иван. Правильно! Съездим еще раз к этой Клавье. А если поискать, в своей же деревне...

Яков (*прерывая*). Ищи себе! Найди. Женись.

¹ Яшка — похлебка (*чуваши.*)

И в а н. Рад бы в рай, да грехи не пускают. А ты, Кеша, запрягай. Идем. У меня серьезное дело к тебе, едре-на-палка! Со смеху умрешь. Верно говорю, умрешь. Покушаем, на почту сходим.

Я к о в. Что я там потерял?

И в а н. Деньги в фонд мира перечислим.

Я к о в. Откуда у тебя деньги?

И в а н. Ты что, проспал? Ночью же гроза была, а потом золотой дождь полил. Я целый мешок собрал.

Входит во двор с т а р у ш к а. Очень старая. На ухо туговатая. В руке палка.

С т а р у ш к а. Бог в помощь. (*Крестится, кланяется.*) Мой добрый деверь Яков, сказывали, дома.

Я к о в (*громко*). Дома пока. Проходи, тетя Матроне. Садись.

С т а р у ш к а. Что говоришь? Невестушек молодых хотела повидать. Слух прошел, будто бы у меня теперь цельных две невестки. Вот радость.

Я к о в. Кхе... Тетя Матроне, ночью гром не слышала?

С т а р у ш к а. Да на старшую невестку бы взглянуть.

Я к о в (*громко*). Никакой старшей невестки и в помине не было. Злые языки придумали.

С т а р у ш к а. Вот те на!.. Молва на деревне, что пушок на ветру. Разнесли, значит, зря. А новая изба будто дворец из сказки. Что ж, ты молодой, здоровый. Одному, чай, нелегко. Сноха уж больно рано покинула нас. Жить бы да жить... И то — человека горе сушит. Потерять корову — хуже смерти, а что говорить, ежели изба сгорит. Разве выдержит человек? Сердце не камень.

Я к о в. Тетя Матроне! Картошку сажать к тебе завтра приду. Лошадь пусть отдохнет малость.

С т а р у ш к а. Ну конечно! Одному и козьего молока хватит. Много ли тебе надо-то. Сам, что ли, доишь?

Я к о в (*громко*). Картошку сажать завтра приду!

С т а р у ш к а. Картошка? Я ее, горемычную, лопатой сажаю. И в прошлом годе, как и сорок лет назад, лопатой. А много ли мне надо? Говорят, тебя лошадью наградили за геройство на войне. Верно аль нет?

Я к о в. Лошадь есть. Сельсовет дал. (*Громко.*) Есть у меня лошадь!

С т а р у ш к а. Вот ладно-то!.. Потому и пришла.

Я к о в. Зачем тебе лошадь, тетя Матроне?

Старушка. Погода подходящая, верно говоришь. Яков (*громко*). Лошадь зачем? Ярмарки вроде нет в райцентре.

Старушка. В церковь надо съездить. Божьей матери святой Марии свечку поставить. Пешком далеко. А поминать усопших надо.

Иван. Не надо в церковь, тетя Матроне. Лучше идем к нам, вкусную яшку поешь.

Старушка. Ты кто будешь? Безрукий Иван, кажись? А говорили, что ты умер. (*Крестится*.) Прости, господи, грешных.

Иван (*смеясь*). Значит, долго жить буду. Идем.

Старушка. Сегодня свечку надо в церкви поставить. Сегодня день такой, детки. Поминать усопших надо. Старика мужа помянуть, который на войне голову сложил. Да в честь отца твоего, Якку, свечку поставлю. На войну в один день ушли. В один день и погибли. Ты тогда, помню, сам на войне был. Сказывали, хвашистский самолет на поезд бомбу сбросил. Прямехонько в их вагон угодил. Помнишь отца-то, Якку? Такой же крепыш был, как ты. Э, что я болтаю: ты такой же крепыш, как отец. Однажды на гумне вы полбу обмолачиваете. Ты лошадь по снопам гоняешь, это еще до колхоза было. Ну, сам-то ты от горшка два вершка — лет шесть было ли, нет ли... Что случилось с твоей лошадыю — не знаю, может, в постромах запуталась, вдруг начала брыкаться. Не успели опомниться, ка-ак лягнет тебя, глядь — ты и отлетел. Махонький был. А отец, вместо того чтоб пожалеть, давай тебя по заднице шлепать. А ты хоть бы пикнул! С перепугу, что ли, молчал. И сильно же я страдала: зачем он с тобой так-то обращался? Как вспомню — до сей поры сердце болит. Неужто не помнишь?

Яков (*задумался*). Потому и человеком стал. Мне тоже сыновей вот так надо было шлепать. Да покрепче. (*Громко*.) Покрепче надо было, говорю.

Старушка. А за что?.. Я вот людей жалею, и скот жалею, всех жалею. Ох как плохо, когда плохо.

Яков (*громко*). А жить надо! (*Задумался*.) Отец... В тридцать девятом он в армию меня проводил. Стояла поздняя осень. Холодно было. Провожающие замерзли, а мне жарко. Мать поднесла стакан пива. По обычаю я далеко бросил его. Стакан упал и... разбился. Мать дрожащими руками обняла меня и в слезы. Плохая примета, раз стакан разбился. Думала, не вернуться мне в родимый

дом. ...С японцами тогда война шла. Кеша! Тарантас готовь!

К е ш а входит.

К е ш а. Ты же седлать велел.

Я к о в. Запрягай лошадь в тарантас. Да живо!

К е ш а. Семь пятниц на неделе...

Я к о в. С дедом не спорят! Давай вместе, внучек.

Дед с внуком уходят.

И в а н. Тетя Матрьюне, когда будешь в церкви, помолись за меня, чтоб правая рука выросла. Надоело жить без руки.

С т а р у ш к а. Не грехи! Как на роду написано, так и надо жизнь прожить. Христос терпел и нам велел.

И в а н. Ты же сама только вот сказала, что всех жалеешь: «Ох как плохо, когда плохо».

С т а р у ш к а. Сказала. А другим еще хуже бывает. Вот и терпим.

И в а н. Ну, хоть боль-то в руке он может снимать? Снимет — свечу поставлю в церкви. Так и скажи ему.

С т а р у ш к а. Не грехи, безрукий Иван. Бог может снимать только душевные боли, а телесные больница снимает. Сама испытала. Езжай, милок, в больницу.

И в а н. Бывал. Резать, говорят, надо. А что резать? Коль и так все оттяпали. (*Махнув левой рукой, ушел.*)

С т а р у ш к а (*осматривая новую избу Якова*). В углу иконы нет. Не потому ли Якову такие страдания?

Входит Л и в а д и я. Смотрит на старушку, а старушка на нее.

Чего молчишь?

Л и в а д и я. Ты сама молчишь.

С т а р у ш к а. Кто моложе, тот первый и кланяется.

Л и в а д и я. Это можно. (*Кланяется.*)

С т а р у ш к а (*всматриваясь в Ливадию*). И-и, доченька, пониже кланяйся, голова не отвалится.

Л и в а д и я. Не могу. Силы нет.

С т а р у ш к а (*еще пристальнее всматривается*). И-и, доченька, да ты, никак, хвораешь? Гляжу я на тебя и вижу: худо тебе.

Л и в а д и я. Да.

С т а р у ш к а. И головушка кружится?

Л и в а д и я. Кружится.

С т а р у ш к а. И живот болит?

Л и в а д и я. Не болит. Душа болит. Ночью кошмары снятся. Или вовсе не спится.

С т а р у ш к а. Кто-то сглазил тебя, душу твою смутил.

Л и в а д и я. Ты говоришь, душевные боли снимают. Не сможешь ли мою душу как-то...

С т а р у ш к а. Кто ты такая будешь? А-а, не молодая ли невестушка наша?

Л и в а д и я. В гостях я, можно сказать.

С т а р у ш к а. В гостях-ях... Все мы в гостях на этой земле. Сама я, когда душа очень болит, богу молюсь, прошу грехи отпустить. В церкви свечку ставлю святой Марии, облегчения на коленях вымаливаю.

Л и в а д и я. Помогает?

С т а р у ш к а. Помогает. Кто верит, тому помогает. Вы, комсомол, неверующие, потому не знаю, поможет ли.

Л и в а д и я (*из кармана брюк достает деньги, протягивает старушке*). Поставь от моего имени свечу, нет, две свечи!

С т а р у ш к а. Э-э, нет, доченька, твое горе слишком глубокое. Если я поставлю — боль души не пройдет. Сама должна помолиться.

Л и в а д и я. Все вы такие!

С т а р у ш к а. А на кого сердишься? В первую голову в себе ищи причину своих страданий.

Входят Яков с Кешей.

Яков. Вот, тетю Матроне в церковь отвезешь. Я тут целый день за сохой, намаялся как-то. Езжай спокойно, вожжи особо не подергивай, но характер покажи. Твердую, но добрую руку лошадь сразу чувствует.

К е ш а. Понял, деда, вот Ливадия что-то совсем сникла.

Яков. Вижу, вижу. Обмякла. Что-то творится с ней. Не говорит.

С т а р у ш к а. Злые люди сглазили ее. Злая душа.

Яков. У меня ее вроде никто не обижал. Раз больна, одевайся, сноха, больница там рядом.

С т а р у ш к а. Переодевайся, доченька, переодевайся скорее. Вместе поедem. Будешь со мною рядом, доченька, — излечишься.

Л и в а д и я уходит и скоро возвращается в том же костюме.

Л и в а д и я (*наигранно*). Готова! Лети, лошадка!..

В гриве ветер свищет... А мачта гнется и скрипит...
Увы, он счастья не ищет...

Уходят.

Яков. Устал...

Конец картины

8

Яков один. С поникшей головой сидит во дворе на стружке. Медленно поднимается. Перед ним появляется Генерал. Яков нехотя отдает честь. Молчит.

Генерал. Здравия желаю, солдат Васильев Яков!
Яков. Здравия желаю, товарищ генерал.

Генерал. Гляжу я на тебя, солдат, и начинаю беспокоиться: а не сдаешь ли ты боевые позиции? Отступить собираешься?

Яков (безразлично, еле-еле). Пока нет, товарищ генерал. Но, по правде, силы на исходе.

Генерал. Не вешать носа! Запевай!

Яков. Не до этого.

Генерал. Как ты смеешь?! Посмотри своему командиру в глаза! Что с тобой происходит?

Яков. Со мной?.. Не о себе пекусь... Мне недолго осталось ковылять.

Генерал. Не смей паниковать! Что происходит?

Яков. Сказать по правде?

Генерал. Всю правду!

Яков. Всю не всю, а кое-что скажу. О маленькой деревне нашей, о ее людях... Да и люди-то!.. Что за люди?.. Старушки. Вдовы. Хотя все еще молодчины! Но ведь плохо это, товарищ генерал.

Генерал. Что плохо? То, что молодчины?

Яков. А то плохо... В космос летаем. Еще когда на Луну тарантас закинули. Без кучера катил, сам видел по телевизору. А картошку и сегодня сохой сажаем, как сто лет назад. Ладно, соху-то пока я могу удержать. А после меня кто? Нехорошо. (Твердо.) Картошка войну выиграла. Она наравне с хлебом всегда шла, а иногда и на передний край выходила. Картошка — она тыщи людей от голодной смерти спасла.

Генерал. Слушаю, солдат, слушаю.

Яков. Ты, кажись, член правительства, товарищ гене-

рал. Скажи, неужто так трудно для крестьянского огорода машину сподручную придумать? Чтоб она и копала, и сажала, и полола, и поливала, и навоз вывозила, и сено косила? (*Дерзко.*) Чтоб моего коня даже переплюнула! Неужто не можем?

Генерал. Мы все можем. У нас мощная техника. Мы гигантская страна. Нам все по плечу. Тоже, знаешь, память стала подводить. Старею. Вот наказ твой записываю в депутатскую книжку.

Яков. Пиши. В колхозе у нас всего по горло: техника, химия, шефы из города, наука всякая! А подворье колхозников? Это ведь тоже наша кормилица! Да еще какая! А земли-то знаешь под ними сколько? В одном нашем районе десятки тысяч гектаров наберется. Вот где богатство!

Генерал. А может, это самое индивидуальное хозяйство побоку? Небось назад оно нас тянет?

Яков. Пробовали побоку — не вышло. Пиши-пиши: не вышло! Дальше пиши: ничего не выйдет!

Генерал. Что не выйдет?

Яков. А то не выйдет, ежели дальше поразмыслить, что без молодых нам землю не сохранить. Оскудеет она. А земля оскудеет — жизнь исчезнет. Молодость — она сила и краса жизни. Земля и молодость в обнимку должны идти. Вот и пиши красными чернилами: как удержать молодых людей в деревне? Что делать? А? Я-то знаю, что делать, но и вы подумайте. Что? Готов и вместе покумекать. Только как следует! Чтоб наверняка, а то привыкли языки чесать.

Генерал. Держава наша, если возьмется, все сделает. Она сильна, очень даже сильна, солдат. Запомни!

Яков. Сильна-то она сильна. Сам понимаю, да вот...

Генерал (*перебивает*). Сердит ты сегодня, солдат.

Яков. Прежде, когда единоличники были, каждый крестьянин берег свой надел как зеницу ока. Скажем, появились промоины на твоей пашне от вешних вод, так на другой же день отец, бывало, выводил нас всей семьей исцелять израненную пашню. Своя же, не чужая. Чего только не делали, чтобы восстановить плодородие. Не восстановишь — без земли останешься. Без хлеба. Никто тебе не поможет. На полях по всем оврагам и балкам деревья росли. Вот бы и к колхозной земле отношение было такое же, как тогда, при инхозе. Вот скажи: как этого добиться? Чтоб, значит, душа как за свое болела

за каждую пядь? За каждую рану земли? Не знаешь? И я не знаю.

Молчат.

Пока не наладим это — дело не пойдет. Не-ет, ни за что на свете не пойдет дело.

Г е н е р а л. Солдат, тебя сегодня злая муха укусила. Зол ты как бирюк. Волка-одиночку бирюком называют в наших краях. И ты такой же сегодня. (*Снисходительно похлопал по плечу Якова.*) Ничего-о-о! Пройдет. И у меня это бывает. А ты ведь любишь, кажется. Кто любит — злым не бывает.

Я к о в (*нервно махнув рукой*). Какая там... любовь?!

Г е н е р а л. Что, задушил собственной рукой?! Ага-а, покраснел! Значит, все еще кувалдой бухает? А может, давно постель вдвоем греете? В бане спину трете друг другу, а? Небось приятно?

Долгое молчание.

Я к о в (*вдруг почти истерически захохотал*). Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!.. Дурак я, и в этом деле дурак! Охламон одноногий. Жениться вздумал! Счастья себе захотелось! Не смешон ли я, генерал?!

Г е н е р а л. Постой, постой, вот тут-то я с тобой уж серьезно поговорю, солдат. Ты что, от той любви, от самой первой, отказываешься? После этого я тебя знать не хочу! Не смей затапывать первую любовь! В штрафной батальон пошлю! Беги к ней, черт одноногий! Сейчас же!

Я к о в. Товарищ генерал! Надо бы с тобой поближе...

Г е н е р а л. Что ты, солдат! Я же давно умер. Знаешь небось...

Слышно ржание лошади. Прерываются мысли Якова.

Свет постепенно меняется. Яков по-прежнему сидит на куче стружки во дворе. Со скрипом открываются новые ворота. Входит К л а в ъ е.

Конец картины

9

Во двор Якова входит К л а в ъ е. Я к о в встает. Они долго-долго смотрят друг на друга.

Я к о в. Где же я тебя видел?

К л а в ъ е. И я вроде тебя где-то видела. То ли наяву, то ли во сне.

Молчат.

Ночь уж давно, а в избе свет горит. Думаю, не случилось ли чего с хозяином?.. Давай, думаю, проверю, нормальный ли тут человек живет.

Я к о в. Не знаю. То ли нормальный, то ли нет. Такую круглолицую красавицу второй раз выпустил из рук. Проходи, Клавье, будь как дома.

К л а в ъ е. Раз сама пришла, значит, пройду. Как ходишь-ползаешь, Яков?

Я к о в. Да еле-еле. Вот-вот ноги протяну. Устал прятаться.

К л а в ъ е. От кого прячешься-то? Перед властями, что ли, провинился?

Я к о в. Женщины прохода не дают. Все замуж хотят. А что, дом — дворец! Хозяин — богатырь и красавец!

К л а в ъ е. Ой ты господи! Ну и хвастун ты, Якку.

Я к о в. Ничуть. Одна даже взятку дает. Деньгами.

К л а в ъ е. А-а, ты, выходит, к ней собрался. Нарядился, как генерал.

Я к о в. Нарядился не потому. Дрянная одежка душу студит, хорошая — греет. Проходи, Клавье. Аль с ходу баньку затопим? Чтоб к восходу солнца поспела?

К л а в ъ е. Ой ты господи! Баньку, говоришь? А что, можно и баньку. Пусть дымит всю ночь, к утру поспеет. Только как бы сельчане не прибежали с баграми да ведрами — подумают, что пожар.

Я к о в. Не прибегут. Спят... Красивая ты. Особенно при лунном свете.

К л а в ъ е. Все на красивых заглядываешь?

Я к о в. На кого же смотреть, если не на любовницу?

К л а в ъ е. Смотри, смотри. Только любовница порядком устала. Потопай-ка по оврагам восемь километров, к тому же ночью. Кругом волки голодные воют.

Я к о в. Двуногие разве? Да и те спят. С устатку в самый раз горячее пиво. Будто знала — сама сварила. Зайдем в избу, будем пить.

К л а в ъ е. Ой ты господи! До сих пор не выпил? Не завелась ли плесень?

Я к о в. Вот и проверим.

Заходят в избу.

Сам спущусь.

К л а в ъ е. Сама полезу! Давно в подполе не была.

Выходят. Через некоторое время возвращаются.

Я к о в. Значит, так, Клавье. Как жить-то будем? Как?

К л а в ъ е. Громко не говори. Ночью далеко слышно. Я ведь только в гостях у тебя. Утром, с восходом солнца после баньки обратно смоюсь. В свою деревню.

Я к о в. Твоя деревня здесь! Другой деревни у тебя нет.

К л а в ъ е. Как это — нет? Есть, милоч. Родная деревня. Там дом свой, сад-огород, птицы-курицы, свинушки-индюшки. Так-то, милоч.

Я к о в (с болью). Я тебя понимаю. Не так просто это. Так как же будем жить?

К л а в ъ е. Так же, как прежде. При тайных любовных связях. Мне эдак даже больше нравится. Душу щиплет как-то.

Я к о в. Все шутки у тебя.

К л а в ъ е. А если без шуток, переезжай ко мне. В мой дом.

Я к о в. Ты что?! Шестьдесят лет я эту землю потом своим орошал. А до меня — отец, до отца — дед. Сама ко мне переезжай.

К л а в ъ е. Сам переезжай.

Я к о в. Нет, сама!

К л а в ъ е. Нет, сам! Я за тобой пришла.

Молчат.

(Подчеркнуто сладко вспоминая.) В тот день, когда вдвоем на карусели... Ах, если бы крылья были... улета бы! Сердце таяло, как масло на жарком солнышке, голова сладко кружилась! Остановилась карусель. Сошли мы. Ты своими черемухово-черными глазищами пронзительно смотришь на меня. А я стою и мечтаю: схватил бы меня за талию, прижал бы к себе!..

Я к о в. Как прижмешь, когда ты убежала?..

К л а в ъ е. А что, я первая должна была вешаться тебе на шею? Это нынешние так делают.

Молчат.

Затопим, что ли, баню?

Я к о в. Обязательно даже затопим.

К л а в ъ е. А если опять сельсовет пристанет? «Вы опять вместе? Два приусадебных участка держите? Закон

нарушаете?» Эх, если бы муж наследника оставил... У тебя они есть.

Яков. Есть. А толку? Отдыхать только приезжают. И то редко. А на земле надо работать. В хозяйстве дел невпроворот. Паши, сажай, поли, за скотом присматривай, навоз вывози. Земля хозяина уважает, а не гостя. Ну как, затопим баню, Клавье?

Клавье. Затопим, Якку. Вот что я тебе скажу, Якку. Внук твой мне нравится, этот Кеша. И сноха что надо: проворная и веселая. Сама беременная, а как старалась у меня в огороде! Да и в избе тоже: пол помыла, все кругом убрала, вычистила. Крестьянской крови она. Думала, думала я... А не пожелают ли они в деревне осесть? Я бы им свое хозяйство доверила. Что получится, там увидим. Если захотят, если смогут... Все хозяйство на-совсем оставляю им. Лес рядом, Цивиль-река рядом. А сад!

Яков (*восторженно*). Как бы это было хорошо! Парень-то деревенской жизни не чурается. Да и хватка есть вроде. Сноха тоже расторопная. Но вот загвоздка: внука в армию призывают.

Клавье. Пока он в армии... Мы и в любовниках ходим. Я к тебе приходить буду, ты ко мне. А чтоб над нами не смеялись, будем ночью встречаться. Чтоб никто не видел.

Яков. Как соловьи-разбойники? Все шутишь.

Клавье. Раз нет другого выхода. Опять же загвоздка, да похлеще: ведь сын твой Владимир костями ляжет — меня в этот дом не пустит. А не сделать ли так: Кешу с Ливадией здесь оставим, а сами переберемся... Да что ты сердишься? Не хочу я больше врозь жить, Якку! Если и дальше врозь — это не жизнь. Аль разлюбил? В девятнадцать полюбил, в шестьдесят девять разлюбил? Что больно быстро?

Яков. Шестьдесят три.

Клавье. Ой господи, совсем молодой! Ну, как, затопим баню?

Яков. Давай!

Клавье. Давай! А то уж полночь. Соседский петух пропел. (*Язвительно*.) А хозяйка петуха не Сапанили?

Яков. Она! Петух сигнал подает, чтоб я быстрее сиганул через забор.

Клавье. Э! Ты куда?

Яков. Туда!.. Хе-хе!.. Баню затоплю, глупая. (*Уходит.*)

Входит Кеша. Он сильно озабочен.

Кеша. А-а, бабушка.

Клавье. Как живете, Кеша?

Кеша. Неважно.

Клавье. Случилось что?

Кеша. Ливадии хуже стало.

Клавье. На что она жалуется?

Кеша. Толком не может объяснить. В больнице были, в... церкви. Здешняя прабабушка завела. Потом к себе ее затащила. Какой-то настой дала.

Клавье. Что за хворь могла к ней пристать? Такая веселая и боевая. Ты стой тут. (*Уходит в сторону, откуда вошел Кеша.*)

Кеша долго ходит взад-вперед.

Входит Клавье.

Клавье (*задумчиво*). Дите у нее вроде без признаков жизни. Вот беда!

Кеша. Не может быть!

Клавье. Может, ошиблась я. Хорошо бы, если так. Вот беда-то. Нет, ошиблась я, наверно.

Входит Яков.

Яков. Ну вот, на всю улицу дыму напустил. Чихать будут спящие. Что случилось?

Кеша. Ливадии хуже.

Входит Ливадия. Держится бодро.

Что ты пила?! Что дала тебе прабабушка?!

Ливадия. Она велела выпить полстакана. Я выпила два. Уж больно приятная травка. А запах! Чудо-напиток!

Кеша. Дура!

Ливадия (*с мрачной улыбкой*). Конечно, дура. Вообще я дура.

Молчат.

Вы знаете, четверо нас, сестер. Ни одного мальчика в семье. То ли от тоски по сыну, то ли по другой какой причине отец сильно пил. Его лишили отцовства. Потом и мама спилась, ее лишили материнства. Трех сестер в интернат

взяли. Я выбилась в люди. Но люди красиво одевались, вкусно питались. На мне было одно платьице. А еда — хлеб да чай, чай да хлеб. Я не жаловалась. Училась неважно, голова кружилась. В больницу положили. Вот где был рай! Три раза в день кормили. Вкусно! И халат был на мне с цветочками. Теплый, чистый. А как нянечки меня любили! Словом — рай! Когда исполнилось семнадцать, мальчишки, друзья по училищу, в день рождения купили мне джинсы. Вот эти. И я сразу стала фирменной! Хи-хи!.. Даже заметной! И первым заметил меня Кеша. Спасибо ему. И учеба пошла в гору. И за это ему спасибо. Мне так хотелось быть первой среди девушек! Чтобы другие не отбили его у меня. И стала. Почти первой. Поэтому оставили меня в столичном ресторане работать. Вот и вся биография.

Яков. Вот и хорошо. Полегчало?

Ливадия. Нет, дедушка. *(Тягостное молчание.)* Дедушка! Я взяла твой орден! *(Опускается на колени перед Яковым. Достает из кармана завернутый в платочек орден.)* Вот он. Прости меня! Я немножко его поцарапала. Чуть-чуть. Думала, золото...

Яков *(берет орден, смотрит)*. Ничего, сношенька, ничего. Целехонек орден! Вставай. *(Поднимает сноху, сажает на табурет.)* Успокойся. Бывает.

Кеша. Убить тебя мало! *(Отходит в сторону.)*

Яков. Цыц! Несмышлениш. А ты успокойся, сношенька. Дите повредишь. Нельзя.

Клавье. Идем, я тебя уложу в постель. *(Уводит Ливадию.)*

Яков. Чтоб ни слова ей об ордене! Понял?

Кеша. Понял. Ну человек! И не подумает. А как вела себя!

Яков. Вела себя хорошо. И вообще она хорошая. Кто не заблуждается.

Кеша. Ничего себе заблуждения! Верно ты говорил, дед: человеческая душа — омут бездонный.

Входит Иван.

Иван. Полуношники! Думал, опять горишь. Дым в глаза — поневоле проснулся. Что ты затеял? Среди ночи баню топить! Вот ненормальный.

Входит Клавье.

Понятно. Как живете-поживаете, невеста? Все ж у Якова баня лучше, чем своя?

К л а в ъ е. Лучше, Иван Ненадо. Куда как лучше!

И в а н. Еще бы! Хи-хи-хи!.. Да еще ночная. На гауптвахту ее, Якку! В подпол за нарушение Устава!

К л а в ъ е. Не надо, Иван. Сам сиди там.

Входит озабоченная С о ф ь я.

С о ф ь я. Что у вас горит?!

Я к о в. Здравствуйте! Кхе. Баню затопили.

С о ф ь я. Это в час ночи?

Я к о в. Пораньше лучше. Днем работы много. Да и вообще.

К л а в ъ е. Товарищ председатель, я только в гости. Честное слово! Не подумайте чего. Поутру уйду.

С о ф ь я. Да живите хоть сто лет в любви да согласии! У меня... Кеша, я к тебе. Телеграмма. От мамы. В сельсовет прислала. Срочная. *(Подает телеграмму.)*

К е ш а *(пробежал ее глазами)*. Ясно. Дедушка! К шести утра я должен быть в военкомате. Осталось около пяти часов. Отца в городе нет. Такие дела.

Входит Л и в а д и я.

Л и в а д и я. Что ты сказал, Кеша?

К е ш а. Советская Армия меня ждет, жена. Через пять часов отправка из города.

Ливадия беззвучно плачет.

Успокойся. Тебе нельзя расстраиваться. Категорически нельзя! Поняла? Поняла, я спрашиваю?!

Л и в а д и я *(безутешно)*. Куда же мне? Куда же мне?! Куда я?!

К е ш а. Со мной в город. Пока.

Л и в а д и я. К кому?

Я к о в. Она у меня останется. С нами будешь жить, сноха. Согласна? С нами, вот здесь, с бабушкой, со мной согласна жить?

Л и в а д и я. Ничего не соображаю. В глазах темно. *(Закричала.)* Кеша! Я не смогу без тебя!

К л а в ъ е. Успокойся. Ты же меня любишь, и я тебя люблю. Вот и будем жить вместе. А вернется Кеша из армии, я свой дом и усадьбу вам подарю. Живите себе на славу, детей рожайте, землю украшайте.

Л и в а д и я. Как же? Я же дедушку обидела. Разве можно после этого?.. Мы... мы... даже не расписанные.

Я к о в. Можно, сноха. Мы не мелочные.

К е ш а. Как же мне добраться до города? Вот черт! К шести утра! Ведь никакого транспорта сейчас.

Я к о в. Есть транспорт! На то она и пожарная лошадь. Через два часа там будем. Жаль, в бане не успеешь попариться.

С о ф ь я. А я кое-что взяла для солдата. *(По старинному обычаю вешает через плечо Кеши длинное полотенце. В руки дает яркий платок.)*

Клавье тоже вручает Кеше свой платок.

К л а в ь е. Уже собираетесь? Так неожиданно. Пиво вот, испейте. *(Наливает всем пива.)*

Молча пьют.

К е ш а *(тихо запел дедовскую рекрутскую песню):*

Кипит, кипит мой самовар,
В нем уголек пылает.
А душу жжет тревоги жар,
И боль не утихает.

Мужчины подхватывают песню.

И в а н *(отрывает пуговку с пиджака и дает Кеше).* Держи! Отдашь, как вернешься. Да чтобы руки-ноги были целы. Пуше — голова!

К л а в ь е. Не волнуйся. Отслужишь, приедешь домой, а тебя родной человечек двухлетний на пороге встретит. Славно-то как! Что скажешь, сношенька?

Л и в а д и я. Не будет у меня ребенка. ... А мачта гнется и скрипит. Увы, он счастья не ищет... *(Почти весело.)* Ха! Жизнь продолжается!

К е ш а. Деда! Идем запрягать лошады!

К о н е ц